

18+

Nika Barsodi

**Играй
со мной
правильно**

18+

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

Nika Barsodi

Играй со мной правильно

<https://litres.ru/74428468>

ISBN 9785007110266

Аннотация

Что если вам наскучило однообразие и предсказуемость? Что если вы уже достигли всего, о чём мечтали? Тогда единственным развлечением становится страсть.

Именно страсть ведёт трёх уставших героев по путям, которые были закрыты для них, пока они следовали правилам. Страсть к величию, любви и власти открывают двери для скромного служителя Девяти Богов, дерзкой ведьмы и чёрствого чиновника.

Первая книга фэнтезийной трилогии о войне, замках, чудовищах и, конечно же, о человеческих пороках.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Русгиль	5
Глава 2. Сэр николас Корвин Справедливый	35
Глава 3. Аделаида	61
Глава 4. Филтон Боунч	92
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Играй со мной правильно

Nika Barsodi

© Nika Barsodi, 2026

ISBN 978-5-0071-1026-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Русгиль

Деревня Грюмор лежала в низине, у гнилой излучины реки. Никто здесь уже не помнил, что значит это слово. Говорили, что когда-то первый поселенец, пьяный до беспамятства, услышал в тумане хрюканье диких кабанов и решил, что это голоса духов. Так и назвал место — Грюмор. Кабанов давно съели, а название осталось.

К полудню здесь уже трудно было найти мужика, что вязал бы слова. От пивоварни на краю деревни тянуло прокисшим суслон, и этот запах, кажется, впитался в самые стены, в землю, в людей. По субботам кто-нибудь непременно засыпал в канаве, а по воскресеньям те же лица, отмытые и приглаженные, шли в местную молельню — каяться до следующей субботы. Здесь пили, чтобы забыть, что живут в Грюморе, и жили в Грюморе так, что забыть это можно было только выпив.

И посреди всего этого гнилого, пропитого, опустившегося места был он — Русгиль — единственный столп праведности и чистоты, доброты и всепрощения. Он служил главным иманатом в местной молельне, что стояла на краю деревни среди березовой рощицы.

В тот день солнечное утро уже разлилось по деревенским улочкам щедром теплом. Светлейший иманат Русгиль по обыкновению в это время шёл по главной улице привычным

шагом: размеренным, твёрдым и неторопливым. Его чёрные одеяния, подпоясанные простой верёвкой, ловили редкий ветерок, шапочка сидела ровно, руки были сложены спокойно — всем своим видом он напоминал человека, у которого внутри нет ни суеты, ни тревоги.

Деревня отвечала ему теплом.

— Доброго утра, светлейший, — кивнула торговка у цветочного лотка и чуть заправила выбившуюся прядь, будто постеснялась собственной растрёпанности.

— И вам доброго, — ответил он, не замедляя шага.

Двое рабочих, тащивших деревянный поддон, остановились и уступили дорогу. Мальчишка лет восьми, мчавшийся с удочкой наперевес куда-то к реке, притормозил и сдёрнул кепку. Пожилая чета у скамейки привстала и поклонилась — тихо, с достоинством, как кланяются не из обязанности, а из искреннего уважения.

Русгиль шёл и отвечал каждому — взглядом, лёгким движением руки или кивком головы. В Грюморе, где мало кто мог пройти прямо после обеда, его ровная, трезвая походка казалась почти чудом. Люди смотрели на него так, будто грелись — тянулись к нему, как замёрзшие тянутся к огню. В нём одном они видели то светлое, чего не было ни в них самих, ни во всей их серой, пропащей жизни. И оттого льнули к нему всем сердцем, ловили его взгляд, надеялись — будто один этот человек мог осветить и оправдать всё их дрянное существование.

Булочная пекарня Корни пряталась за старым дубом так уютно, словно сама уже срослась с ним в единое целое. Возможно, так оно и было. Поскольку семейная пекарня стояла тут совершенно точно с момента основания города. И дуб, вполне возможно, был посажен именно первыми ее владельцами для создания тени. А теперь они смотрелись так гармонично, что привлекали со всего города жителей не только своей великолепной выпечкой, но и красотой места. Внутри же было неизменно восхитительно. Стоило толкнуть дверь — и посетителя обнимало облако тепла: ванильного, дрожжевого, сдобного. На полках выстраивались буханки с блестящими боками, в плетёных корзинках лежали рогалики, а за стеклом витрины пирожки с вишней соблазнительно истекали соком.

— Светлейший! — Пухлый пекарь средних лет по имени Корни вышел из-за прилавка, утирая руки о широкий холщовый фартук. Лицо его — круглое, румяное, под стать его же булкам — расплылось в улыбке. — Милости просим, милости просим! Только из печи достал — вот, попробуйте пирожок, не откажите старику.

— Благодарю, — Светлейший Русгиль принял угощение с коротким поклоном. — Аромат у вас с порога душу согревает.

— Что вы, что вы, — отмахнулся булочник, явно довольный. — Это у вас душа такая, что любому теплу рада. Вот уж кто истинный пример для всего нашего городка — так это

вы, светлейший. Ни слова худого ни от кого не слышал, ни единого дня без добра. Другие бы на вашем месте...

Он оборвал себя на полуслове и смущённо потупился.

— Вы — опора нам, — закончил он тише. — Право слово, опора.

Русгиль лишь чуть качнул головой, будто принимая слова не себе, а передавая их дальше, выше.

Помолчали. За окном проехала телега.

— Светлейший, — осторожно начал булочник, глядя куда-то на прилавок. — Простите, если лишнее спрошу... Как супруга ваша? Как Милания?

В булочной стало очень тихо. Только пирожки в витрине продолжали невозмутимо блестеть.

Светлейший Русгиль помолчал секунду — одну, не больше. Взгляд его не потемнел и не ушёл в сторону. Лишь где-то в глубине глаз мелькнула печальная тревога.

— С Божьей помощью всё наладится, — сказал он ровно. — День за днём. День за днём.

Булочник кивнул.

— Дай Бог, светлейший. Дай Бог.

Русгиль поблагодарил хозяина булочной и вышел на солнечную улицу. Деревня жила своей жизнью — шумела, смеялась, торговалась. Он шёл сквозь нее всё тем же ровным шагом. И никто из прохожих, почтительно уступавших ему дорогу, не догадывался, какую ношу несут эти спокойные плечи под чёрным фумалем.

Калитка скрипнула — и этого звука хватило.

— Папа! — Младший, Пекко, пяти лет от роду, скатился с крыльца раньше, чем успел попасть ногами в сандалии. Он врезался отцу в колени и вцепился в его длинную черную одежду обеими руками, задрав голову. — Папа пришёл!

— Тише, тише, — Русгиль подхватил его одной рукой, не выпуская свёртка с хлебом и булочками.

С крыльца уже спускались остальные. Средняя — Петти, семи лет, серьёзная не по возрасту, с косой, чуть растрепавшейся за день, подошла к отцу и нежно обняла его, вместе с младшим братиком. Старший, Гаскелл, которому было уже двенадцать, стоял чуть поодаль, прямо, стараясь держать спину так же ровно, как отец.

— Здравствуй, папа, — сказал он.

— Здравствуй.

Милания, жена светлейшего иманата, стояла в глубине дома, у дверного проема, чуть отступив в тень — так, чтобы видеть двор, супруга и детей, но самой оставаться незамеченной. Руки ее были сложены перед собой и сжаты. Когда калитка скрипнула, она, должно быть, вздрогнула. Теперь лишь смотрела, как муж идёт через двор с детьми, облепившими его со всех сторон.

В доме пахло щами и печёной картошкой.

Стол был накрыт просто, с особой деревенской щедростью. В центре стояла глубокая миска со щами — густыми и

тёмными от томлёной капусты, с плавающими кружочками моркови и жирными бликами на поверхности. Рядом — чу-гунок с картошкой, политой растопленным маслом и посыпанной укропом. На деревянной доске лежали солёные огурцы — от них тянуло чесноком и смородиновым листом. В плошке — квашеная капуста с клюквой. Кринка молока стояла в стороне, запотевшая, холодная, будто только из погреба.

Дождавшись когда супруг и дети усядутся за столом, что для их семьи было традицией — обедать только всей семьей после дневных песнопений в молельне, молодая Милания принялась накладывать всем еду молча, двигаясь между домочадцами быстро и бесшумно, как тень. Дети уже сидели, переговаривались и болтали ногами. Никто не смотрел на мать.

Русгиль сидел во главе стола. Он сложил руки и прочитал молитву Девяти Богам — негромко, ровно. Дети притихли, склонили головы. Потом зашумели снова.

Он положил на край стола пакет с выпечкой, но заметив что супруга Милания его не взяла, обратил на это ее внимание:

— От Корни, — сказал он негромко и подвинул пакет.

Милания подошла, аккуратно взяла сверток обеими руками.

— Сначала порежь, — сказал Русгиль.

Он взял нож с края стола и протянул ей рукоятку вперед,

глядя ей прямо в глаза.

Смотря на него в ответ, она молча взяла нож.

Её руки слегка дрожали, но было это настолько незаметно, что никто даже и внимания бы не обратил. И тем не менее, светлейший Русгиль внимательно следил за каждым ее движением, словно контролируя его правильность. Она подала хлеб на стол.

— Вот пожалуйста.

— Садись, — сухо сказал он.

Дети шумно веселились. Она села за стол.

Когда Милания, наконец, подняла голову, супруг смотрел на неё. Не говорил ничего. Просто смотрел — тихо и ровно, с тем выражением, которое знала только она. Для других он никогда не доставал этого выражения лица. Только для нее. Для других он был доброжелательным, вежливым, добропорядочным, набожным, но для нее...

Милания опустила глаза и молча принялась есть суп.

За столом смеялся Пекко. Петти одёргивала его. А старший Гаскелл невозмутимо ел щи. Никто ничего не замечал.

Когда обед закончился, дети соскочили со своих стульев и побежали на улицу играть, где их ждали другие ребята с соседних домов. Уже через минуту с улицы донёсся их смех — звонкий, беззаботный, совершенно не вязавшийся с тишиной, оставшейся в доме.

Милания начала было собирать со стола.

— Потом, — сказал светлейший Русгиль, вставая.

Она поставила миску обратно. Он показал ей рукой на спальню и спокойно следуя за ней в комнату, закрыл дверь за замок изнутри.

Спальня была небольшой и опрятной: беленые стены, узкое окно с задёрнутой занавеской. Кровать застелена ровно — без единой складки, как он любил.

— Садись, — сказал он, не оборачиваясь.

Милания опустилась на край кровати и сложила руки на коленях.

Русгиль стоял у стула и неторопливо расстёгивал свой черный фумаль — пуговицу за пуговицей, сверху вниз, с той методичной аккуратностью, с которой делал всё. Форма служителя легла на спинку стула ровно, без единой морщины. Он бережно разгладил её ладонью.

— Опять сегодня только и делала что жрала да спала? — спросил он — негромко, почти рассеянно, будто интересовался погодой.

Милания подняла глаза.

— Я готовила, — сказала она тихо. — Ты же видел, сколько всего было на столе. С утра я...

— Видел, — перебил он.

Помолчал. Аккуратно повесил воротник поверх фумалья.

— Марта за день успевала и постирать, и приготовить, и в огороде порядок навести, и ещё соседке помочь. — Спокойно напоминал он — Марта слабее тебя была здоровьем. И все успевала.

Милания ничего не ответила.

Марта была его первой женой, которая умерла семь лет назад, после чего он сразу же просил руки молодой Милании у ее отца. Тот, уверенный в порядочности и чистосердечности светлейшего человека, без колебаний и малейшего страха отдал ему свою дочь в законные супруги. А затем молодые уехали сюда, в этот дом, где умерла Марта.

Милания никогда не спрашивала, но скорей всего она спала именно на месте первой жены. В той же кровати, на том же постельном белье.

По заверениям Русгиля, супруга скончалась от чихотки в кровати. А затем ее похоронили и через месяц в той же кровати уже спала новая жена. Русгиль не любил оставаться один. Он считал одиночество для мужчины греховным, а потому жениться в его представлении надлежало каждому немедленно, чтоб не гневить богов.

— Ты должна больше стараться, — сказал он.

Раздевшись, он лёг под одеяло, повернулся на бок и закрыл глаза. Лицо его было совершенно спокойным и умиротворенным.

— Часок посплю. Потом в молельню.

Милания сидела на краю кровати, не двигаясь. За окном кричал Пекко — кажется, они с Петти затеяли какую-то игру. Смех был такой далёкий.

Она осторожно встала.

— Ты куда.

Это был не вопрос. Просто слова, произнесённые с закрытыми глазами угрожающим тоном.

Она остановилась у самой двери.

— Стой на месте. Разве у тебя есть дела важней, чем быть с мужем?

— Нет, — сказала она.

— Нет, — повторил он удовлетворённо, помолчал секунду и добавил: — У лентяек никогда нет дел.

Милания стояла у двери и смотрела в окно — туда, где за занавеской угадывался белый прямоугольник летнего дня.

Через несколько минут дыхание мужа выровнялось и стало глубоким.

Он спал.

Она не двигалась.

— ...ибо нет греха без последствий, и нет тьмы, которую не настигнет свет Девяти Богов. *Noven auscultant, noven tenent, noven imperant.*

— *noven imperant*, — отозвался храм.

Светлейший Русгиль закрыл книгу. Медленно, с достоинством отступил от своего пьедестала на котором читал вечерние наставления. Свечи горели ровно — без единого дупления, будто сам воздух замер в священном благоговении.

Прихожане поднимались с лавочек не спеша, переглядывались — с тем особым выражением на лицах, которое бывает после слов, задевших какие-то слишком глубокие стру-

ны души.

— Светлейший, — первой подошла Урсель Глоррен, прижимая платок к груди. — Вот уж как слушала вас сегодня — ни слова мимо. Каждое в самую душу.

— На то и слово Девяти, — ответил он мягко.

— Нет, вы уж не скромничайте, — встрял из-за её плеча мясник с Торговой улицы, краснощёкий мужик с окладистой бородой. — Другой иманат те же слова читает — и в одно ухо входит, в другое выходит. А у вас — живое. Слышите? Живое слово.

Вокруг закивали.

Светлейший Русгиль принимал это всё с ровной, чуть усталой благодарностью — как принимают то, что давно привыкли нести.

Булочник Корни подошёл последним из тех, кто хотел говорить. Огляделся по сторонам — на беленые стены, на отреставрированную мебель, на начищенные до зеркального блеска подсвечники — и покачал головой.

— Помню, какой эта молельня была, когда вы только пришли, — сказал он негромко. — Сырость, штукатурка осыпалась, дерево почернело. А теперь гляди. — Он помолчал. — Это ведь не деньги сделали, светлейший. Деньги — они что, деньги. Это любовь сделала. Ваша любовь.

Русгиль посмотрел на него — спокойно, без лишних слов — и чуть склонил голову.

Прощались долго.

Он стоял у выхода, и к нему подходили по одному. Жал руки — твёрдо, тепло. Старухи брали его ладонь обеими руками и подносили к губам. Мужики кланялись коротко, с уважением. Молодая мать поднесла грудного ребёнка — Русгиль коснулся лба младенца и произнёс несколько слов тихо, только для них.

Молельня пустела постепенно.

Когда последний прихожанин скрылся за дверью, Русгиль ещё немного постоял один в тишине. Посидел на лавке с ровной спиной, смотря куда-то в пустоту. Затем встал и затушил несколько свечей — методично, одну за другой.

Когда он вышел из своей молельни, ночь уже вступила в свои права. Луна висела над деревней высоко и холодно. Улица была пуста. Где-то вдали лаяла собака. Воздух пах пылью и ночной травой.

Светлейший Русгиль застегнул верхнюю пуговицу фумала и двинулся по дороге домой — неторопливо, привычным шагом.

Бегущего мужчину он слышал раньше, чем увидел. Шаги были торопливые, сбивчивые, словно кто-то бежит с плохими новостями.

— Светлейший! — сосед Боррин с соседней улицы, выскочил из-за угла — без шапки, взмыленный. Остановился, хватая ртом воздух. — Светлейший, слава Девяти, нашёл вас...

— Говори, — сказал Русгиль. Голос его не изменился.

— Милания, — выдохнул Боррин. — Жена ваша. Она... — Он запнулся, будто не зная, с какого конца начать. — Она бежать пыталась. С детьми. Со всеми тремя, узлы какие-то собрала. Выскочила на улицу, детей подгоняла, быстро хотела уехать на коне с повозкой. Бог знает где она их взяла. Мы её остановили, быстро заметили, зная о ее болезни. Остановили ее всей улицей. Так она... — Боррин показал руку — на запястье, даже в лунном свете, было видно тёмное пятно. — Укусила меня. До крови. Отбивалась как не в себе, визжала. Дети плакали.

Боррин смотрел на светлейшего — с той смесью страха и ожидания, с которой смотрят на человека, который должен знать, что делать.

— Сейчас она у нас, — добавил он тише. — Заперли. Светлейший, она будто... будто не своя. Глаза — страшные. Поговаривают в деревне что демон в неё вселился.

Луна светила ровно и холодно.

Русгиль помолчал секунду, затем спросил:

— Где дети?

— У вашей сестры в доме. Целые. Напуганные только. Она сказала что успокоит и уложит их спать.

— Хорошо. — Он отдернул свою одежду — Пойдем.

Он пошёл за Боррином по лунной дороге — всё тем же ровным, неторопливым шагом. Будто ничего особенного не случилось. Будто так и должно было быть.

Русгиль вошел в подвал соседского дома, где запрели Миланию. Потолок здесь был низкий, в воздухе пахло сырой землёй и старым деревом. Единственный фонарь висел на крюке у входа и качался чуть-чуть — от сквозняка или от того, что кто-то только что вошёл.

Он прошёл через всё помещение медленно и уверенно, не глядя по сторонам. У дальней стены стоял табурет. Он поставил его на нужное место, сел, положил руки на колени и только тогда посмотрел на жену.

Милания сидела на полу, прислонившись спиной к стене. Волосы ее были растрепаны, платье в пыли. Она смотрела на него — и в глазах её не было безумия. Только отчаяние и ненависть женщины к своему мучителю.

За приоткрытой дверью не виднелось ни души. Лишь еле слышный шепот соседских голосов и шикание, призывавшее всех замолчать, выдавало то, что разговор слушает вся улица, стоя под дверью.

Русгиль это сразу понял.

Он чуть склонил голову и заговорил — негромко, с той мягкой скорбью в голосе, какая бывает у людей, которые долго терпят и устали терпеть.

— Милания, — сказал он. — Зачем же ты так со мной.

Она не ответила, только лишь склонила голову к коленям, плача от ужаса.

— Я ведь люблю тебя, — продолжил он так же тихо. — Ты знаешь, как я люблю тебя. Детей наших. Дом наш. — Он

сделал паузу. — Зачем ты терзаешь меня? Что я тебе сделал?

— Отпусти меня. — Голос её был хриплым, но ровным.
— Русгиль. Отпусти. Я прошу тебя.

— Куда? — спросил он мягко. Почти с нежностью. — Куда я тебя отпущу, милая?

— Куда угодно.

— Куда угодно, — повторил он, будто раздумывая над этими словами. — С тремя детьми. Без денег. Без родни. — Он чуть покачал головой. — Ты больна, Милания. Ты сама этого не понимаешь — в этом и есть болезнь. Кто тебя примет такой? Кому ты нужна в этом мире?

— Я не больна. — Она подняла на него глаза, в голосе ее звучало хриплое отчаяние. — Ты это знаешь. Ты прекрасно это знаешь.

Соседский шепот за дверью стал чуть громче.

Светлейший Русгиль посмотрел на неё — долго, спокойно — и на лице его появилось выражение такой усталой, всепрощающей любви, что со стороны можно было только пожалеть этого человека.

— Моя любовь тебя вылечит, — сказал он. — Со временем. Я верю в это. — Он встал, одёрнул фумаль. — А сейчас я хочу, чтобы мы пошли домой. Ни к чему пугать соседей.

— Русгиль...

— Пойдём, милая. — Он подошёл к ней и протянул руку.
— Пойдём.

Она смотрела на его руку. Понимая какие извращенные

наказания для нее он прямо в этот момент придумывает, она смотрела с ненавистью ему в глаза, игравшие роль всепрощающего святого.

Но что она могла сделать?

Милания не могла остаться навсегда в этом подвале, соседи бы вытолкали ее домой обратно к Русгилю. Куда бы она ни пошла, ее принимали за сумасшедшую, которой нужна помощь этого жестокого и хладнокровного человека. Он сам создал для нее все эти условия. Словно паук, медленно и неспешно плетущий сеть.

И вот теперь, она словно муха, прилипшая к его паутине, без возможности возможности даже двинуться. Все что остается ей — это лишь смириться с тем, что она вот-вот будет съедена.

Милания понимала что дома он ее изобьет. Больно. Сильно. Возможно, сегодня она даже умрет.

А потом он на утро сообщит всем что когда вся семья легла спать, она покончила с собой в очередном приступе безумия. И все поверят. Самое ужасное было то, что все ему поверят.

Он взял её под руку и повёл к выходу.

На улице стояли люди. Они расступились молча — с теми лицами, на которых читалось сочувствие к Русгилю и той ноше, что боги взвалили на него. Кто-то покачал головой. Кто-то тихо переговаривался, не отводя глаз от ее жалкого вида.

Светлейший Русгиль шёл ровно, держа жену под руку — бережно, как держат тех, кто нуждается в помощи.

Милания шла рядом.

Она плакала — но тихо, почти беззвучно, так, как плачут не от боли и не от жалости к себе, а от полного, окончательного изнеможения. Слезы лились сами собой.

Луна светила им в спины.

Дорога домой была недолгой.

Дверь закрылась за ними с тихим, окончательным щелчком.

Светлейший Русгиль повернул ключ — медленно, без спешки — и опустил его в карман фумалья. Потом обернулся. — Дети у моей сестры, — сказал он ровно. — До завтра. Сегодня нас не потревожат.

Милания стояла посреди прихожей и смотрела на замок.

Он прошёл мимо неё в комнату. Она слышала его шаги — методичные, неторопливые. Потом — шорох. Она заглянула в дверной проём.

Русгиль задёргивал шторы. Одно окно. Второе. Третье.

Комната темнела с каждым движением его рук — постепенно, как темнеет небо перед грозой. Не сразу, но медленно и неизбежно.

Когда он задёрнул последнюю штору, в доме не осталось ни одного окна, выходящего в мир.

Милания стояла в дверях и не двигалась. Ноги не слушались от оцепенения, которое приходит, когда понимаешь: бежать некуда, звать некого, и всё, что будет дальше — просто будет.

И она уже знала как это бывает. Только сегодня будет хуже. Гораздо хуже. Сегодня она опозорила его на всю деревню.

Он неторопливо достал из шкафа ремень, затем длинную толстую палку.

— Куда же ты хотела сбежать? — спокойно поинтересовался Русгиль, — Отец твой мертв. Родственников нет. Друзей у тебя нет. Каков был твой план?

Холодными жестокими глазами он смотрел на нее словно хищник на раненную газель.

— Это уже не важно.

— Это важно, милая моя. Я должен знать какие у тебя есть тайны.

— У меня нет тайн.

— Конечно есть, — улыбнулся он, беря в руки ремень. Тот резко взлетел в воздух и хлестко ударил Миланию по груди и рукам. Девушка вскрикнула от боли.

— Ты должна молчать. Помнишь? Иначе я сделаю тебе еще хуже. Или ты забыла?

Он снова взмахнул ремнем и тот пришелся ей на живот. Затем еще раз и еще раз. Трижды по одному месту. Из под платья начала сочиться кровь. Милания стояла как прежде,

точно зная что в такие моменты она не должна шевелиться, чтоб не сделать хуже. Она терпела, стойко вынося всю боль.

Затем он разделся, но теперь уже не складывал аккуратно вещи, а стянул их с себя словно зверь, освобождающийся от всего человеческого.

Стоя перед ней голым, было видно как он возбудился. Их постельная сцена происходила по привычному сценарию. Только раньше у него было просто хорошее настроение, а теперь Милания разозлила супруга впервые по-настоящему.

Для Русгиля не было ничего важнее его роли светлейшего иманата Русгиля — порядочного, сердечного, любящего и любимого всеми. Теперь же на него будут смотреть как на человека, от которого хотела убежать жена. И возможно даже посмеиваться.

Он был в бешенстве. Выплескивая всю свою ярость на Миланию за то, что она нарушает его благополучную картину жизни, он хлестал ее со всей силы, не находя для себя никакого облегчения. Казалось, этого мало. Не достаточно. Нужно наказать сильнее и яростней.

— Сегодня ты умрешь, — наконец выпалил он, пытаясь отдышаться.

— Хорошо, — закричала наконец Милания. Она схватила нож со стола и окровавленными руками направила его на супруга.

Тот рассмеялся. Маленькая, миниатюрная девушка ниче-

го не могла сделать такому сильному и мощному человеку как Русгиль. В его глазах это выглядело жалко. Она сама для него давно стала жалкой и презренной в своей ущербной слабости, уродливой беспомощности, тошнотворной кроткости, которую хотелось выпороть ремнем и выбить палкой. Будто она специально дразнила его своим поведением, которое так раздражало. И теперь, перед смертью она решила обрести характер? Он подошел к ней вплотную и уперся в нож грудью.

— Режь... — приказал он.

Но вместо этого Милания резко приставила нож к своему горлу и горячо, зажмуривши глаза выпалила:

— Я отдаю свою жизнь за то, чтоб Бог сделал из тебя кающегося праведника. *Noven auscultant, noven tenent, noven imperant.* Господи, сохрани моих детей.

Резким движением она прошлась ножом себе по горлу и тут же упала.

Русгиль стоял в тишине недоумения и смотрел на мертвое тело супруги. Кровь сочилась по рукам, животу, плечам, вытекала из разреза на шее пульсирующим фонтаном и быстро разливалась по деревянным половицам, просачивалась сквозь доски и лилась в подвал.

Пытаясь осознать произошедшее, он сел на стул, все так же держа ремень. Его возбуждение прошло. Хотя он рассчитывал сегодня на секс. Отрешенно он долго смотрел в никуда, размышляя о том, как лучше было бы поступить дальше.

С одной стороны он чувствовал даже облегчение от смерти жены. По правде говоря, она ему до жути надоела. С другой стороны, этот труп был большой проблемой. Он посмотрел на Миланию. Ее тело было истерзано. Будь она жива, то по обыкновению бы прикрылась на следующий день плотным длинным платьем, закрывающим руки, шею и ноги. Сейчас же, когда она умерла, скрыть побои было невозможно. За самоубийство мог сойти лишь разрез на горле. Все остальное выглядело как побои и разрушение его репутации, а может даже и карьеры. И все из-за какой-то ничтожной никчемной девки? Нет. Такого унижения допустить было никак нельзя.

Он провел рукой по лицу и волосам. Они были покрыты потом. Затем оглянулся по сторонам. Нужно было все исправить.

Наконец найдя наилучшее решение, он порылся в шкафу кладовой и достал оттуда мутную бутылку, затем полил тело спиртом и поджег. Немного подождав, когда дым заполнит весь дом так, чтобы невозможно стало дышать, а тело সু-пруги в достаточной мере сгорело, он выбежал наружу, безупречно играя ужас человека, только что проснувшегося от внезапного пожара.

Голова раскалывалась.

Русгиль открыл глаза и несколько секунд смотрел в незнакомый потолок, пока не вспомнил — он у сестры. На со-

ломенном тюфяке в углу её маленькой захудалой хижины, укрытый чужим одеялом, пахнувшим потом и застарелой рвотой.

За окном было серое утро.

Он сел, держась за висок. Запах гари ещё стоял в ноздрях — или ему казалось. Может, просто память так устроена, что не отпускает сразу.

Дом сгорел. Это он помнил точно. Помнил, как выбегал, как жар бил в спину, как обернулся у ворот и увидел стену огня в окне. Как испуганные соседи выбежали на его крики и вонь пожара. Жена осталась там, но было слишком поздно. Огонь охватил все здание целиком и никто даже не пытался спасти Миланию. Вся улица стояла и смотрела. Молча.

Русгиль посидел с этой мыслью. Подождал, пока придёт что-то — горе, страх, запоздалый ужас, печаль. Но внутри было тихо.

Значит, вот как это устроено, — подумал он без особого удивления.

Он встал, подошёл к окну. Деревня ещё спала.

В душе он испытывал какое-то легкое светлое облегчение от того, что брак закончился и жена умерла. Словно оковы спали с его тела и души.

Он вдруг подумал что теперь мог бы уехать. Его здесь больше ничто не держало — не тяжкая необходимость выносить опротивевшую супругу, ни гнетущая повинность сохранять лицо примерного семьянина в глазах общества. Се-

мьи больше не было.

Сам он уйти от жены не мог — слишком темное пятно для репутации, но самоубийство от безумства — было словно подарочным билетом в новую жизнь.

Русгиль никогда не говорил себе этого прямо — не позволял. Но по правде, семья всегда была для него тем, чем должна быть для порядочного человека его положения. Для приличия. Для вида. Он женился, потому что так было нужно, потому что без этого смотрели косо. Но сердце его никогда не лежало к этому тихому домашнему существованию, к запаху щей и к чужому дыханию рядом ночью.

Сердце его всегда лежало к другому.

К величию.

Он помнил себя молодым — как стоял возле Галереи Десяти Богов и смотрел на высокого Новенария в золотых сияющих одеяниях, на то, как тот шёл медленно, и толпа наступалась, и все головы склонялись. Толпы падали ему в ноги, целовали башмаки, руки, подол белоснежного фумалья, ручки в белоснежных перчатках. Русгиль тогда почувствовал что-то острое и горячее в груди, зависть впервые заполнила его сердце. Вот оно. Вот — его. Русгиль хотел быть на месте Новенария в золотом.

Но потом ему пришлось покинуть то чудесное место и вернуться домой. Наступила маленькая серая и убогая жизнь. Маленький приход. Маленькая жена. Вторая маленькая жена. Маленькие заботы.

Все это стгорело в пламени ночью.

Слава Девяти богам!, — подумал он и помолился, —
Noven auscultant, noven tenent, noven imperant.

Русгиль отошёл от окна и начал складывать в уме то, что имел: рекомендательное хвалебное письмо от районного сусцептора, которое давно лежало без дела, доброе имя — небогатое, но незапятнанное. А пожар и смерть жены только придадут ему сочувствия в глазах окружающих, а может и прибавит весу в глазах вышестоящих чинов.

В большом городе его никто не знает. Это хорошо. Там он начнёт правильно.

Там он наконец станет тем, кем должен был стать.

Сестра сидела за столом, навалившись на него грудью, и держала кружку обеими руками. Рядом молчал её муж — серый, небритый, с красными глазами. На столе стояла бутылка.

Было восемь утра.

Русгиль остановился в дверях кухоньки и на секунду почувствовал то лёгкое брезгливое сожаление, которое всегда испытывал при виде сестры. Маленькая, оплывшая, с жёлтыми зубами и носом картошкой, она как будто специально была создана напоминанием о том, каким он мог бы стать, если бы не воля и не Бог.

Они и выглядели совсем разными, будто бы не от одного отца, хотя мать конечно бы никогда в подобном не призна-

лась. Русгиль был статный, высокий, жилистый, полный сил и мощи. Сестра его — маленькая, рыхлая, приземистая. Он посвятил жизнь вере, а она — бутылке. И все же они были семьей.

— Проснулся, — сказала она и улыбнулась. — Садись, поешь.

Он сел. Дети уже были за столом — тихие, с опущенными глазами, полными слез от смерти матери. Русгиль старался не смотреть на них.

— Мне нужно поговорить с тобой, — сказал он, — о серьёзном.

Сестра поставила кружку.

— Я сегодня уезжаю, — произнёс Русгиль ровно. — Скорбь, которую я несу, слишком велика, чтобы дети видели её каждый день. Им нужно что-то твёрдое, что-то устойчивое. А я сейчас не могу им этого дать. Ты понимаешь.

Сестра смотрела на него с тем выражением, которое он знал с детства — смесь восхищения и готовности согласиться с чем угодно.

— Господи, — сказала она, — вот это сила. Вот это человек. Сам в горе, а думает о детях.

Муж кивнул, не говоря ничего.

— Я оставляю их тебе, — продолжил Русгиль. — Временно. Пока я не устроюсь и не смогу дать им достойную жизнь.

Сестра кивнула, но в глазах у неё что-то мелькнуло — деловитое, хозяйское.

— Присмотрим, не сомневайся, — сказала она. — Только уж я им спуска не дам. Это всё-таки дети от неё. — Она чуть поджала губы. — От этой негодной девки. Уж прости, брат, но я правду говорю. Будут у меня работать, будут людьми. Распустила их мать, это видно.

Русгиль помолчал секунду.

— Строгость не помешает, — сказал он.

— Вот именно.

Он поднял глаза к потолку и почувствовал в груди что-то похожее на благодарность — спокойную, почти умиротворённую.

Господи, благодарю Тебя за то, что у меня есть эта женщина. *Noven auscultant, noven tenent, noven imperant.*

Не красивая, не умная, пьяная в восемь утра — но надёжная в своей грубой простоте.

Он позавтракал вместе со всеми. Ел не торопясь, аккуратно. Дети молчали. Он им тоже ничего особенного не сказал — только в конце, вставая из-за стола, положил руку на голову младшему и произнёс несколько слов о том, что Господь всё устраивает к лучшему и что слушаться тётю — это долг.

Потом пошёл собираться, зашел в храм попрощаться и взять кое-какие документы, хранившиеся в его маленьком кабинете под сводом крыши.

Вещей в дорогу оказалось немного — почти ничего. Пожар позаботился об этом.

Русгиль стоял посреди маленькой комнатки и смотрел на то, что умещалось в один маленький мешок: смена белья, бумаги, деньги, завёрнутые в тряпицу. И хвалебное письмо районного сусцептора светлейшего, которое он давно и бережно хранил.

За дверью слышались шаги сестры — она шла растапливать печь. Русгиль выпрямился, одёрнул фумаль и придал лицу то выражение тихой скорби, которое от него сейчас ожидали.

Скоро он уедет. Но сначала нужно было правильно проститься, а дальше он хотел постараться навсегда забыть это место.

Прощание вышло коротким.

Сестра стояла на крыльце, обхватив себя руками — утро было свежим. Муж её маячил за спиной, придерживая дверь. Дети выстроились у забора — молчаливо, но с какой-то надеждой глядя на отца.

Русгиль надел шапочку, поправил узел на плече и обернулся.

— Ну, — сказал он.

— Ну, — повторила сестра и шмыгнула носом. — Пиши хоть иногда.

— Буду писать.

Она шагнула вперёд и неловко обняла его — мягкая, тяжёлая, пахнущая кислым. Он похлопал её по спине.

— Не горюй, — сказал он. — Всё в руках Божьих.

— Да уж, — вздохнула она. — Езжай. Боги дадут, свидимся.

Муж молча протянул руку. Русгиль пожал.

Потом подошёл к детям.

Они смотрели на него снизу вверх — трое, разного роста, с одинаково печальными лицами. Он на секунду остановился перед ними и почувствовал то же, что чувствовал всегда при долгом взгляде на них — что-то неудобное и лишнее, как камень в сапоге.

— Слушайте тётю, — сказал он. — Молитесь. Не порьте меня.

Старший кивнул. Младшие смотрели.

Не найдя что сказать больше, он развернулся и пошел прочь из деревни.

Дорога уходила на восток, в сторону большого тракта. Русгиль шёл по обочине, мимо огородов и покосившихся изгородей бедняков, мимо всего этого мелкого, серого, давно надоевшего. Узел был лёгким. Ноги шли легко. Голова к этому часу уже почти не болела.

Он не оборачивался.

Деревня Грюмор кончилась незаметно — просто в какой-то момент по сторонам уже не было изб, только поле и небо, низкое, белёсое, с просветом на горизонте.

Русгиль шёл и думал.

Он думал о столице так, как думают о месте, которое давно уже существует внутри тебя и которое нужно только най-

ти снаружи. Он представлял большой храм Эттернум — высокий, величественный собор, построенный для всех Богов когда-то представителями семи великих семей. А себя он видел там в роли главного Новенария. Дальше он представлял людей, с которыми хотел бы находиться каждый день. Представлял, как его слушают — по-настоящему слушают чиновники, владыки и богачи всех мастей и сословий. Слушают и внимают его словам. Молятся на него. Просят его благословения. Фантазии Русгиля заходили очень далеко, но тем легче шла дорога.

Он был умён. Он это знал и верил в собственные силы. В этой деревне его ум был как остро заточенный нож, где нужно резать лишь масло. Ему же хотелось чего-то, что он считал по своему уровню и масштабу. В столице его непременно ждал успех.

Дорога была длинной — дней восемь пешком до тракта, потом пустыни, а если повезет и хватит денег, кто-нибудь даже подвезет. Путь его не пугал. Он умел терпеть. Умел идти. Умел бороться за свое.

Позади осталось всё: сгоревший дом, мёртвые жены, трое детей с потерянными лицами, маленький приход, маленькая убогая жизнь.

Впереди было то, ради чего, если честно, он и жил всегда. Теперь он мог себе это позволить.

Он шёл и почти улыбался, ведь в душе у него, наконец, было светло и чисто. Чисто от препятствий. Их больше не

было.

Глава 2. Сэр николас Корвин Справедливый

«Милый мой друг!

Не знаю, помнишь ли ты меня. Может быть, изредка вспоминаешь — мне было бы приятно думать что это так, хотя я и не смею на это особенно надеяться. Сама я часто вспоминаю наше детство и юность, проведенные вместе. Это согревает мое сердце в безрадостные дни. Я не в обиде на тебя за то, что ты выбрал тогда войну, а не меня. Ты всегда был человеком долга, за это я и полюбила тебя когда-то, хотя первое время после твоего отъезда я плакала от того, что мое сердце было разбито. Казалось, я никогда не смогу тебя простить. Ведь я всегда надеялась на то, что мы будем вместе, поженимся и родим детей. Отпустить эту мечту — было самым сложным для меня решением, принятым когда-либо. Но я смирилась со своей судьбой и с твоим выбором. Отчасти помог мне в этом отец. Видя мои страдания, он нашел мне супругу.

Брак для меня был вынужден по многим причинам, не только как утешение моих горьких чувств по нашей утерянной любви. Как ты знаешь, отец мой был тогда уже стар и не мог заботиться обо мне. Он переживал что я погибну или не смогу постоять за себя. Поэтому, когда моей ру-

ки попросил слугитель Девяти Богов — светлейший иманат Русгиль, который славился своим добрым нравом и безупречной репутацией благочинного человека, отец с великой радостью согласился отдать меня ему в жены.

Я не противилась. Отец был прав. Я нуждалась в защите, муже и детях.

Так я стала женой светлейшего. Дети появились у нас сразу же и это скрасило мою жизнь любовью и радостью. Но чего я никак не могла понять, так это почему мой супруг становился все более жестоким ко мне из года в год. Ты знаешь меня. Я спокойная, добрая и семейная женщина. Никому и слова злого бы не сказала. Но по какой-то причине он так и не смог во мне это разглядеть. Мне казалось что если я покажу и докажу ему свою чистоту помыслов, сердца и души, он поймет что я не враг ему, что в моих словах нет злого умысла, что я ничего не задумала плохого. Я искренне пыталась сделаться ему другом, отогреть его беспокойное и злое сердце любовью и лаской. Я родила ему двоих детей и старалась быть хорошей матерью, примерной женой, исправно вести хозяйство. Он жаловался на свою предыдущую покойную супругу и я с сожалением слушала эти рассказы, мечтая показать ему другую сторону брака — полную любви и доверия. Но вместо этого, в ответ на все мои добрые помыслы и деяния, он становился все злей ко мне, а его обращение — все более жестоким. Последние месяцы его жестокость перешла все границы и я стала опасаться за

свою жизнь, но что самое страшное — он убеждает всех окружающих что я сумасшедшая и пытаюсь покончить с собой. Уверяю тебя, ничего подобного нет в моих помыслах и я полностью здорова. К моему сожалению, его словам иманата и добропорядочного человека верят больше, чем мне — безродной чужестранке. Если он однажды убьет меня, то сможет сказать что я сделала это сама и никто этому не удивится, поскольку, кажется, уже все в городе готовы к этому и даже ждут.

Мой отец перед своей смертью говорил что ты стал рыцарем и завел себе большое имение. И хотя мне стыдно и неловко просить тебя об этом, но я умоляю помочь мне освободиться от этого брака. Я не рассчитываю на твою любовь и искренне порадуюсь за твою судьбу, если ты уже давно женат и имеешь детей. Но если в тебе осталось хоть капля тепла к нашей прошлой любви, спаси меня и моих детей. Нам грозит страшная опасность. Боюсь, я не смогу выдержать его обращения долго. Приезжай как можно быстрее. Спаси меня!

Сердечно обнимаю, твой добрый друг детства — Милания.»

К тому моменту, когда Сер Николас Корвин сломал печать и прочитал эти строки, Милании уже месяц не было в живых. Он не знал этого, и сильно взволновавшись от прочитанного, поспешил на помощь своей возлюбленной, которую, несомненно, до сих пор бережно хранил в сердце.

Она была не права в своих догадках о том, что Сэр Корвин Справедливый, как его теперь величали, покинул однажды ее потому что разлюбил.

Николас Корвин считал Миланию главной женщиной всей своей жизни. Женщиной, которую он когда-то по глупости и алчности оттолкнул, а после, когда одумался — уже было поздно, ее выдали замуж. Он решил не мешать ее счастью, воображая себе картины того, как Милания счастлива в браке, любит и любима, рождает детей и никогда его не вспоминает.

Долгие годы он чувствовал себя предателем, который сам же и поплатился за свой не верный выбор. И расплатой было одиночество. С тех пор он так и не женился, не завел детей, а все время своей жизни отдавал военной службе.

В день, когда пришло внезапное и тревожное письмо от Милании, он собирался на войну, которая призывала всех верных подданных вступить в войска и отправиться в наступление.

Но Сэр Корвин больше не колебался. Он не выберет войну вместо любимой женщины во второй раз. Поэтому сообщив товарищам что присоединится позже, он спешно оседлал своего коня и ускакал туда, где мог бы получить второй шанс на любовь и искупление вины, столько лет мучавшей его ночами.

Через десять дней он прибыл на место. Маленькая деревня со странным и неблагоприятным названием Грюмор встре-

тила его тишиной и грязью.

Узкая дорога, разбитая колёсами телег и копытами скота, вела между покосившимися заборами и низкими домами с почерневшими от времени стенами. Соломенные крыши кое-где провалились. Огороды выглядели так, будто земля давно устала давать что-либо людям, которые её обрабатывают. Здесь пахло навозом, дымом и сыростью.

Сер Корвин въехал в деревню шагом — конь его, крупный вороной черный жеребец с лоснящейся шкурой и ухоженной гривой, даже на вид стоил баснословных денег. Животное ступало спокойно и с достоинством — под стать всаднику. Они словно сияли блеском богатства на фоне серой бедности деревни, чем, безусловно, привлекали недовольные и даже испуганные взгляды окружающих.

Сам Корвин был в доспехах вороненой стали. Металл был начищен так, что даже в пасмурный день на нём играли отблески света. Алый плащ из тяжелой дорогой ткани спадал за спину широкими складками.

Его волевое, резкое и благородное лицо было открыто, он спокойно смотрел вперед. Деревенские бабы невольно переставали жевать и провожали взглядом. Мужик, чинивший телегу у забора, распрямился и уставился на рыцаря исподлобья. Старик, сидевший на завалинке, сощурился и сплюнул.

Такие люди здесь не появлялись. Или появлялись — но не с добром. Когда приезжали богатые и вооружённые, это

обычно означало налоги, рекрутский набор или чью-то опалу.

Корвин чувствовал эти взгляды, видел их напряжение и страх. Сам же он мало чего боялся спустя столько лет военной жизни. Он был сильным и опытным рыцарем, а деревенские мужики, даже толпой, вряд ли могли что-то ему сделать.

Конь фыркнул и переступил через лужу. Корвин натянул поводья у первых встречных — пожилой женщины с корзиной и мужика в драном пальто — и посмотрел на них.

— Добрый день, — сказал он спокойно и уверенно. — Я ищу Русгиля и его жену Миланию. Где я могу их найти?

Женщина и мужик переглянулись и фыркнули.

— Там они жили, — сказала пожилая женщина с корзиной, кивнув куда-то в сторону. — Там теперь пепелище. Девка эта устроила пожар. Бедный светлейший остался ни с чем — ни крова, ни денег. Вынужден был уехать в город, детей кормить надо.

— Она жива?

— Померла уж месяц как, — презрительно отозвалась крестьянка.

Внутреннее спокойствие и уверенность Корвина пошатнулось. Его словно ударили алебардой прямо в сердце. Милания умерла. Он опоздал. Не будет второго шанса. Не будет искупления вины. Тот шанс на любовь, что он упустил когда-то, был единственным и теперь это было не исправить.

Крестьяне, заметившие его застывшее потрясенное лицо, устало поплелись дальше.

Он ничего не ответил и посмотрел туда, где все случилось. Корвин с замиранием сердца прошел к указанному месту. И чем ближе приближался, тем сильнее содрогалось все внутри от душераздирающей картины места смерти любимой.

Пепелище небольшого дома, из которого торчали обугленные не догоревшие балки и остатки мебели, выбивалось из общей массы обжитых побеленных домов, стоявших в ряд. Словно сгнивший пенек зуба в кривом рту пьяницы.

Корвин спешил, привязал коня и прошёлся по почерневшим останкам дома — медленно, внимательно, как ходят по полю воины после битвы, ища кого-то или что-то. Он смотрел под ноги, осматривал пеньки и обугленную мебель. Смотрел на то, как и где горело. Думал.

Потом вернулся к соседям, которые уже собрались поглазеть на него с безопасного расстояния.

— Где дети? — спросил он.

— Там. У сестры священника, — показывала толпа, словно предвкушая интересные события для сплетен.

— А Миланию похоронили?

Народ недоуменно переглянулся между собой.

— Таких не хоронят, — сказал кто-то из толпы. — Сама на себя руки наложила. Грех это.

— Да и тела нет, — добавила другая женщина, почти с удовлетворением. — Сгорела.

Корвин стоял и слушал. Лицо его не изменилось. Только желваки чуть обозначились под кожей — совсем чуть-чуть, почти незаметно.

— Понятно, — сказал он наконец.

Развернулся. Пошёл к коню.

Люди ещё некоторое время смотрели ему вслед — ждали, наверное, что он ещё что-нибудь скажет или спросит. Но Сер Корвин больше ничего не спросил и на потеху толпе отправился туда, где жила сестра Русгиля с детьми Милании.

Пожилой и уставший мужик на дороге показал ему дом сестры светлейшего — неохотно, коротким кивком, как показывают на что-то, к чему не хотят иметь отношения.

Корвин шёл пешком, ведя коня на поводу. Незачем было ехать верхом по такому переулку — узкому, с глубокими колеями и покосившимися плетнями по обе стороны. Сапоги его, дорогие, из мягкой кожи, уже успели измазаться местной грязью.

Он не обращал на это внимания.

Из-за плетня на него смотрели жители деревни. Прятались, делали вид что не смотрят — и всё равно смотрели.

— Господин!

Голос был тонкий, почти сорванный. Корвин остановился.

Мальчик выбежал из-за угла — маленький, лет пяти-шести, не больше. Одежда на нём была велика и держалась, казалось, только на воле случая. Лицо бледное, с заострившимися скулами, глаза слишком большие — так бывает у детей,

которые давно не наедаются досыта. Он остановился в двух шагах от рыцаря и задрал голову.

— Господин, Вы выглядите как довольный жизнью человек, у которого все есть, — сказал мальчик серьёзно, без заискивания, с той прямоотой, которая бывает только у детей и у очень голодных людей. — Не могли бы вы дать мне монетку? Или кусок хлеба. Я давно не ел.

Корвин молча смотрел на него несколько секунд. Потом расстегнул поясной кошель, не спеша, без лишних движений достал монету и опустил на одно колено — так, чтобы оказаться с мальчиком на одном уровне и протянул ему золотую монету.

Мальчик уставился на неё так, будто никогда в жизни не видел золота — а скорее всего так и было.

— Это... — начал он.

— Этого хватит на неделю, — сказал Корвин спокойно. — Купи еды. Настоящей.

Мальчик крепко сжал монету в кулаке, будто боясь потерять. Потом посмотрел на рыцаря с выражением, в котором смешались растерянность, удивление и что-то похожее на благодарность.

Корвин встал. Кивнул мальчику и пошёл дальше.

Дом оказался таким же, как всё вокруг — низким, обшарпанным, с мутными окошками и двором, заросшим бурьяном. Только запах был другой — тяжёлый, кислый, застояв-

шийся. Запах дешёвого вина и нечистоты.

Корвин постучал в ворота.

Ждал недолго.

Дверь распахнулась — резко, как будто изнутри её толкнули плечом — и на пороге появилась женщина. Маленькая, но широкая, с заплаканным лицом и мутными глазами, в которых читалась та особая хмурость, которая не проходит даже спустя несколько часов после последней кружки. Волосы растрёпаны. Платье мягкое, засаленное на груди. Она вывалилась во двор, щурясь на дневной свет, и уставилась на рыцаря с нескрываемым презрением.

— Чего надо? — сказала она.

— Ищу вашего брата, — ответил Корвин ровно. — Светлейшего Русгиля. Куда он уехал?

Женщина сощурилась. Что-то в её взгляде изменилось — появилась настороженность, та животная осторожность, с которой смотрят на незнакомца, когда не знают, чего от него ждать.

— Зачем он вам? — спросила она.

— Между нами есть долг, — сказал Корвин. — Я хотел бы его вернуть.

От слова «долг» женщина тут же распрямилась — насколько позволяло её тело. Мутные глаза стали чуть живее. Она окинула рыцаря взглядом — дорогие доспехи, вороной жеребец, серебряная пряжка на плаще — и в этом взгляде явственно читался быстрый нехитрый расчёт.

— Уехал в столичный храм, — сказала она, и голос её стал почти любезным. — Служить там устроился. Больше некуда было, сами понимаете — после всего что случилось.

Корвин кивнул. Потом перевёл взгляд за её спину, во двор, где возились дети, что-то собирая с земли.

— У вас красивые дети, — сказал он. — Ваши?

Женщина махнула рукой с некоторым раздражением.

— Мои уже взрослые, слава богам. Это — братьевы. — Она поджала губы. — Один мальчик от его первой покойной жены, убереги господь ее душу. А двое младшеньких от той пропащей девки, которую он по доброте душевной с улицы подобрал. Вот и получил за свою доброту. Остался без дома, без денег, с тремя ртами на руках.

— С улицы подобрал? — переспросил Корвин.

— С улицы, с улицы, — подтвердила женщина с удовольствием человека, которому давно не с кем было поговорить на любимую тему. — Я всегда говорила — кто она такая, откуда взялась? Думаю, торговала собой. Таких сразу видно.

— Понятно, — сказал Корвин.

Голос его остался ровным. Лицо — спокойным.

— Это ее дети?, — кивнул он на девочку и мальчика во дворе.

— Нет, — отмахнулась женщина. — Только девочка. — Кивок во двор. — А мальчик...

Она обернулась. Посмотрела куда-то за спину рыцаря. И ткнула пальцем.

— Вот он.

Корвин обернулся.

У плетня стоял мальчик с *золотой монетой*, зажатой в кулаке. Тот самый мальчик. Большие глаза смотрели на рыцаря — всё с тем же выражением растерянной, недоверчивой благодарности. Это был сын Милании.

Корвин смотрел на него долгую секунду. Потом снова повернулся к женщине. Лицо его по-прежнему ничего не выражало — но желваки под кожей обозначились чуть резче, чем обычно.

— Благодарю, — сказал он тихо. — Вы мне очень помогли.

Корвин попрощался с сестрой Русгиля коротко — кивком, без лишних слов — и вернулся к коню. Постоял секунду, держа повод в руке. Посмотрел на мальчика, который всё ещё стоял у плетня и сжимал монету в кулаке.

Потом развернулся и пошёл к таверне.

Таверна нашлась быстро — в деревне такого размера всё находится быстро. Она стояла на краю рыночной площади — двухэтажное здание из почерневшего дерева, с низкой покатой крышей и вывеской над дверью. Вывеска когда-то, видимо, изображала кабана — сейчас это было просто бурое пятно с намёком на клыки. Из трубы шёл дым. Под навесом у входа стояли несколько лошадей, привязанных кое-как.

Внутри было низко, тесно и шумно. Гудеж здесь складывался из десятка разговоров сразу, звона кружек и чье-

го-то кашля в углу. Потолочные балки были такими низкими, что Корвин инстинктивно пригнул голову, переступая порог. Пол — деревянный, затоптанный до черноты, кое-где скрипящий и прогибающийся под ногой. В центре зала стоял длинный грубый стол, за которым сидели местные — человек восемь, не меньше, с кружками и мисками перед собой. У стены жался стол поменьше, за ним двое мужиков играли в кости и переругивались вполголоса.

Камин был большой — пожалуй, единственная основательная вещь во всём заведении. Огонь в нём горел хорошо, и от него шло настоящее тепло, которое Корвин почувствовал сразу, с порога. Над огнём висел котёл, и оттуда тянуло чем-то мясным — простым, но после долгой дороги это пахло как надо.

Хозяин таверны — низкий широкий мужик с красным лицом и короткими толстыми пальцами — вышел из-за стойки и устоялся на рыцаря с тем же выражением, с каким смотрела вся деревня. Только у него это выражение быстро сменилось деловитым.

— Комната и ужин, — сказал Корвин, не дожидаясь вопроса.

— Найдётся, — ответил хозяин. — Несколько монет за ночь. Ужин отдельно.

Корвин положил на стойку монеты, не считая. Хозяин посмотрел на них, кашлянул и стал заметно любезнее.

Комната на втором этаже оказалась такой, какой и должна

была быть в подобном заведении.

Деревянные стены с щелями, сквозь которые тянуло холодом. Деревянный пол, который скрипел на каждом шагу — причём каждый раз по-новому, словно нарочно. Кровать у стены — узкая, с соломенным тюфяком и серым одеялом, таким тонким, что сквозь него, казалось, можно читать. Постель была мятая и засаленная — след прежних жильцов, которые явно не отличались чистоплотностью. Подушка смята и тёмная по краям от чужого пота.

Корвин посмотрел на кровать. Потом на комнату.

Устало и недовольно он закрыл за собой дверь. Он знал подобные места. Они все были одинаковыми.

Маленькое окошко выходило прямо на рыночную площадь. Корвин подошёл к нему и выглянул. Площадь была почти пуста — только двое мужиков о чём-то говорили у колодца, да тощая собака рылась в клумбе. Приближался вечер. Небо на западе наливалось тёмно-оранжевым, и этот свет ложился на крыши домов длинными косыми тенями. Смеркалось.

Корвин смотрел на это некоторое время. Потом отошёл от окна и начал снимать доспехи.

Делал он это привычно, без спешки — движениями человека, который проделывал это тысячу раз. Сначала наплечники. Потом нагрудник. Поножи. Каждую пластину клал аккуратно. Под доспехами оказалась простая льняная рубаша, влажная от долгой дороги. Корвин провёл рукой по лицу,

потёр шею.

За окном деревня затихала.

Он сел на край кровати, уставился в тёмные доски пола и думал о том, что теперь делать дальше.

Рассвет пришёл тихо.

Сквозь мутное окошко в комнату просачивался бледный утренний свет. С улицы доносились петухи. Сначала один, близко. Потом другой, где-то за домами. Деревня просыпалась.

Корвин проспал, кажется, часа четыре. Беспокойные и тревожные мысли терзали его ум. Он лежал на грязной постели, глядя в потолок, и слушал тишину между петушиными криками. Он размышлял об одном и том же — как человек, который снова и снова трогает рану языком, зная что больно, и не останавливаясь.

Если бы он не уехал тогда.

Просто не уехал — и всё. Остался бы с ней. Она не вышла бы замуж за светлейшего иманата. Не жила бы в страхе. Не умерла бы. Он винил себя в смерти Милании. Это была первая ошибка.

Но когда он вернулся с войны — живой, с деньгами, с землями — он не пришёл к ней. Корвин тогда сказал себе: она замужем, у неё своя жизнь, не нужно мешать. Убедил себя что она счастлива. Что так правильно. Что это — благородство.

Это была трусость. Он просто боялся узнать правду.

А правда была в том, что она всю жизнь его любила. И ждала.

Она любила его. Любила. Каждый день, который он посвящал чему угодно, кроме нее и сам же мучался от разлуки. Какой же он глупец! Какая нелепая трусость! Он корил себя за то, что испортил жизнь им обоим. Из-за него она была несчастна всю жизнь, а затем и вовсе умерла. Позорной, насильственной смертью. Это была вторая ошибка.

Корвин закрыл глаза.

Две ошибки. И результат им — смерть любимой женщины и мучительная пустая жизнь для них обоих. Поступи он иначе хоть раз... он бы узнал что Милания всю жизнь его ждала и любила. Как и он ее.

Этого уже не исправить.

Он старался перевести свои мысли с сожалений и вины на то, что теперь он мог бы сделать, чтоб ее душа увидела его любовь, чтоб хоть как-то исправить все совершенное им.

Он подумал о детях. Дети...

Корвин снова вспомнил мальчика у плетня. Как тот сжимал монету в кулаке — крепко, двумя руками, как будто она могла исчезнуть. Голодные глаза. Острые плечи под рубахой не по размеру.

Дети Милании росли здесь — в нищете, в чужом доме, где их терпели, но не любили. Их мать мертва. Отец сбежал, подальше от собственной совести. И никого рядом из людей.

Они были почти сиротами в тягучем болоте порока.

Корвин мог это изменить.

Война сделала его богатым. У него были земли, дом, достаток. Всё то, что он когда-то выбрал вместо Милании. Пускай теперь это будет не зря. Он даст ее детям лучшее будущее: отеческую любовь, образование, дом, титул. Он даст им все, что получил когда отказался от их матери. Это будет справедливо. Это будет честно.

За окном светало сильнее. Золотистая полоса на полу стала шире.

Он решил действовать. Не потому что это поможет. Просто больше ничего нельзя было сделать.

Он встал и начал собираться.

Сэр Корвин вышел из таверны рано, когда улицы были ещё пусты.

Утренний воздух был холодным и сырым — пах землёй и туманом. Он шёл через рыночную площадь, мимо закрытых лавок и пустых прилавков, и спросил дорогу у старика, который гнал куда-то козу. Старик указал на восток, не останавливаясь.

Кладбище было за деревней — небольшое, огороженное покосившимся деревянным забором. Могильщик нашёлся сразу: жилистый мужик лет пятидесяти, с лопатой на плече, который как раз открывал скрипучую калитку. Он посмотрел на Корвина безучастно. Таких как он мало чем уже мож-

но было удивить.

— Работа есть, — сказал Корвин.

— Слушаю, — пробубнел старик, занимаясь своими делами у ограды.

— Необычная.

Могильщик пожал плечом — мол, бывает и хуже.

Корвин объяснил. Пожар на месте дома священника. Женщина погибла там. Нужно собрать то, что осталось — аккуратно, без спешки, с уважением. Заплатит хорошо.

Могильщик помолчал, глядя куда-то мимо него.

— Это та, про которую все говорят? — спросил он наконец.

— Да.

Старик помолчал, размышляя.

— Хорошо, — сказал он просто. — Покажите где собрать.

Через час они снова встретились на пепелище. Корвин уже был здесь вчера — но сейчас смотрел иначе, методично и более внимательно, выискивая точное место гибели Милани. Черное пятно на полу в прихожей походило на останки сгоревшего тела женщины. Но теперь он хотел понять что именно случилось здесь. Годы войны научили его читать разрушение — понимать, что произошло, по тому, что осталось.

Он медленно обошёл пепелище по краю. Остановился. Обошёл снова, уже внутри, осторожно ступая по чёрным обломкам.

Все произошло в этой комнате. Огонь начался здесь — у

двери, где виднелся след от тела. Это было видно по тому, как прогорело дерево, как легли угли. Это могло говорить о том, что она пыталась выбраться из дома во время пожара. При этом ее крики наверняка слышали бы соседи. Но никто ничего не слышал. Значит она была мертва к тому времени, как начался пожар. И убили ее возле двери, предположительно, когда она хотела сбежать. А затем подожгли дом, чтоб скрыть преступление. Корвин быстро сопоставил картину пожара с письмом от Милании. Похоже было на то, что светлейший все же погубил супругу, а затем сам поджег дом, после чего трусливо сбежал, оставив детей на свою сестру.

Корвин остановился в центре того, что раньше было комнатой. Затем обернулся к могильщику и кивнул.

— Здесь.

Могильщик подошёл, присел на корточки, посмотрел. Достал из сумки небольшой холщовый мешок и деревянный совок. Он знал как и чем делать подобные работы. Медленно и аккуратно, без лишних движений он собирал прах Милании с обгорелых половиц. Корвин стоял рядом и смотрел.

Солнце поднималось все ярче, приближаясь к полудню, когда мальчишка выбежал из-за угла, подошел поближе и остановился на краю пепелища, разглядывая происходящее с тем особым детским любопытством, которое сильнее страха. Затем подошёл еще немного ближе.

— Здесь умерла моя мама, — сказал он грустно.

Корвин посмотрел на него.

— Я знаю, — ответил он. — И поэтому я здесь.

Мальчик поднял на него глаза.

— Вы знали её?

— Она была моим другом.

Мальчик смотрел на него с искренним изумлением — так, будто слышал что-то совершенно невозможное.

— Вы дружили с мамой? — переспросил он. — Но я вас никогда не видел. Вас бы я запомнил. Вас невозможно проглядеть!

— Мы дружили до того, как ты родился, — сказал Корвин. — Потом она вышла замуж за твоего отца, родила тебя. Наши дороги разошлись. Но я помнил её всё это время.

Мальчик помолчал, осознавая сказанное. Потом вдруг просветлел лицом — быстро, как это умеют только дети.

— И теперь вы заберёте нас? — спросил он с надеждой, которую даже не пытался скрыть.

Корвин смотрел на него — на этот открытый, доверчивый взгляд — и что-то в груди сжалось.

— Я бы забрал, — сказал он. — Но ваша тётка вряд ли позволит.

— Я её ненавижу, — выпалил мальчик немедленно и с такой искренней убеждённостью и яростью, — Она злая. И жадная. И от неё воняет. — Он немного помолчал и добавил с обидой: — И монету мою забрала.

Корвин недовольно нахмурил брови.

— Монету?

— Ту, что вы дали. — Мальчик насупился. — Отобрала и дала мне кусок хлеба. Сказала что это честный обмен. — Помолчал немного и добавил, — А сама сегодня утром с дядькой пьяная уже. Оба. Как свиньи. На такие деньги много выпивки купить можно.

Корвин медленно огляделся по сторонам.

Серое небо. Чёрное пепелище. Могильщик, который аккуратно, горстью за горстью, собирал золу в холщовый мешок. Деревня вокруг — тихая, равнодушная, пахнущая дымом, пьянством, пороками и навозом. Это место начало его утомлять. Он хотел поскорей закончить здесь свои дела и уехать. Человеку, не привыкшему жить в пороках, здесь было неприятно.

Он посмотрел на мальчика.

— Иди домой, — сказал он. — Собери вещи. Всё, что есть. Скажи сестре чтобы сделала то же самое. Я закончу здесь и приеду за вами. Будьте готовы к тому времени.

Мальчик уставился на него радостно, мигом развернулся и побежал со всех ног, только пятки замелькали.

Корвин смотрел ему вслед.

Собрать пепел оказалось трудоемким занятием. Всё это время деревенские наблюдали за ними издалека — из-за полузакрытых ставен, щелей в заборов и из глубин темных подворотень. Никто не решался подойти ближе. В их взглядах читался суеверный страх, смешанный с отвращением: в деревне не привыкли так обращаться с умершими. Женщины

тихо молились, прижимая к себе детей, а мужчины хмуро шептались, переглядываясь и сжимая кулаки, но вмешиваться не смели, словно боясь навлечь на себя беду.

Когда дело было закончено, могильщик завязал мешок и поднялся с колен, отряхнув руки.

— Я свободен? — спросил он.

— Да, — сухо сказал Корвин.

Тот взял плату, кивнул и ушёл — тощий, молчаливый старик, словно тень смерти, растворился между домами. Корвин ещё секунду постоял, держа мешок в руках. Спиной он всё ещё чувствовал на себе десятки тяжелых, настороженных взглядов. Потом убрал прах в седельную суму, тщательно припрятав как что-то хрупкое.

Затем он, как и обещал, направился за детьми.

Сестра священника сидела во дворе на лавке, широко расставив ноги, с бутылкой в руке. Её толстый муж лежал прямо в клумбе — лицом вниз, среди мятых цветов — и мирно похрапывал. Тётка хохотала над ним, тыкала в его сторону бутылкой и кричала что он выглядит как настоящая свинья, которая обожралась помоями и теперь сладко спит.

Муж в ответ только похрюкивал и не просыпался.

Корвин подъехал к калитке.

Женщина его увидела — и тут же переменилась. Расплылась в широкой пьяной улыбке, выпрямилась, насколько позволяло её состояние.

— О-о, вот и щедрый рыцарь! — пропела она заплетаю-

щимся голосом. — Спасибо вам, добрый человек, за благоделительство нашей семьи!

— Я дал монету мальчику на еду, — сказал Корвин ровно, не слезая с коня. — Не на выпивку.

Тётка махнула рукой.

— Мальчик сыт, не беспокойтесь о нём. — Она прищурилась хитро. — А вот что касается долга моему брату — Вы могли бы часть отдать мне. На пропитание детей. Русгиль бы одобрил, он человек понимающий.

Корвин посмотрел на неё. Спокойно, без выражения.

— Не думаю, что вам нужен мой долг, — спокойно ответил он, не стремясь пояснять что под долгом он подразумевал расплату за убийство Милании. Этот долг не измерялся в денежном эквиваленте.

— Это не вам решать, что мне нужно! — В голосе сразу появились жёсткие нотки. — Отдавайте долг! Здесь и сейчас.

— Я заберу детей Милании и уеду, — сказал Корвин так же ровно как и прежде. — И советую вам не злить меня. Особенно после того, как вы обокрали мальчишку.

Тётка вскочила с лавки — неожиданно быстро для своего состояния. Лицо её пошло красными пятнами.

— Ах вот как! — выкрикнула она. — Ах вот как ты заговаривал, рыцарь! Сейчас я кликну мужиков — они тебе зададут трёпку! Посмотрим как ты один справишься против всей деревни!

И, набрав воздуха, заорала на всю улицу:

— На помо-о-ощь! На помощь! Детей крадут! Люди добрые, помогите-е!

Муж в клумбе недовольно хрюкнул и перевернулся на бок.

Корвин спрыгнул с коня и вынул длинный сверкающий меч, повидавший не один бой. Меч вышел из ножен тихо, почти без звука. Корвин был готов встретить деревенских мужиков, он ожидал этого с самого начала приезда сюда. Это должно было закончиться именно так. И сейчас это закончится.

— На помо-о-ощь! На помощь! — крики раздавались по утренней деревне вновь и вновь, тревожа размеренную жизнь деревенских.

Деревня слушала молча из-за заборов, из-за занавесок, из тёмных проёмов дверей. Люди смотрели, но не двигались. Никто не вышел. Стало ясно что никто из жителей не собирался помогать ей.

— Да что ж вы за трусы такие! — надрывалась она, поворачиваясь то в одну сторону, то в другую. — Женщина в беде! Женщину не можете спасти! Люди добрые!

Люди добрые смотрели из окон и не шли.

Корвин убрал меч.

— Здесь женщин в беде не спасают, — сказал он ровно. — Вам стоило бы это уже понять.

Она открыла рот, но он уже отвернулся.

— Дети! — окликнул он.

Они выбежали сразу, будто стояли за дверью и ждали. Мальчик первым, девочка следом, с узелком в руках. Лица у обоих были серьёзные, сосредоточенные.

Корвин начал усаживать их на коня. Разъяренная тетка кинулась на него с кулаками.

— Тогда я сама тебя проучу, — проревела она.

Он даже не успел понять что на него напали и просто оглянулся, откинув руку. Но и этого хватило, чтоб оттолкнуть ее так, что она неуклюже отлетела назад и ударилась прямо затылком об острый камень с хрустким звуком перелома кости. Лужа крови начала разливаться вокруг нее.

Сестра светлейшего безжизненно смотрела в небо своими голубыми глазами, которые выражали удивление. Словно до сих пор не могла поверить что это конец.

Дети Милании смотрели на неё с ужасом. Никто не ожидал что сейчас произойдет именно это. В воздухе повисло молчание.

— Пожалуйста, — взмолился мальчик, — Поехали. Она заслужила. Поехали. Сейчас они все набегут и нам придется остаться. Поехали.

Девочка согласно кивала головой. Корвин посмотрел на детей, которые мечтали вырваться из этого проклятого богами места. Неправильно было все бросать так, но дети были правы. Это место сейчас может засосать в новую историю их троих.

Корвин спешно посадил детей на коня и сел следом. Он

еще раз посмотрел на лежащий труп женщины возле палисадника. Теперь там стоял старший сын Русгиля, рожденный от его первой жены Марты. Он тоже смотрел на истекающее кровью тело погибшей тетки. По его щекам текли слезы. Он поднял глаза на Корвина.

— Я найду тебя, — сказал он. Тихо и очень твёрдо. — И убью.

Корвин молча смотрел на этого маленького мальчика со слезами и ненавистью в глазах. Что здесь можно было сказать? Что это была случайность? Кому сейчас нужна была правда? Кого бы она утешила? Помогли бы оправдания?

Сказать было ровным счетом нечего.

Пришпорив коня, он помчался вместе с детьми Милании и ее прахом прочь из этого места, несущего лишь боль и падение в пороки.

Деревня быстро осталась позади — заборы, окна, равнодушные лица, пепелище на краю, кладбище за ним. Копыта гремели по дороге, ветер ударял в лицо, и дети крепко держались за него с обеих сторон.

Корвин не оглядывался.

Но слова мальчика ехали с ним.

Глава 3. Аделаида

Адель сидела у окна в школьной столовой и смотрела вдаль. До боли привычный и наскучивший вид навевал ей тоску.

Буйные высокие волны океана и свинцово-тяжёлое небо сливались где-то там вдали в серый закат. Шёл третий день бури — глухой ветер терзал волны, взбивая их в пенистые гребни, которые разбивались о несокрушимые стены Цитадели Святой Тидхейлен.

Школа, названная в честь великой душой и деяниями женщины, располагалась посреди Штормового океана и являлась, пожалуй, самым безопасным местом в мире, но в то же время столь же закрытым и оторванным от мира.

Здесь обучались те несчастные, что обнаруживали в себе магические способности, а это к большому сожалению, еще со времен проклятия Богов, являлось не благословением свыше, а тяжелой ношей, которую человек должен был нести всю оставшуюся жизнь.

Каждый обладающий магической искрой человек, просто обязан был сообщить об этом в высшие инстанции власти, а те в свою очередь, обязаны были отправить его в Цитадель Святой Тидхейлен для умирения нежелательных способностей, а так же для обучения сдерживанию своего и чужого колдовства, ведь оно было строго-настрого запрещено в ми-

ре. Иными словами, колдовать было нельзя. Никогда и никому. А те, кто умел это делать по ужасному стечению генетической лотереи, становились в обществе изгоями.

Мало кто хотел с ними строить отношения, дружить или работать. Им не доверяли. «Того глядишь, разозлится и превратит тихо кого-нибудь в козленочка. И потом не докажешь что это он» — говорили люди, сторонясь любых контактов с наделенными магической искрой. А ее скрыть было невозможно. Во всех документах помечалось «искра», к чему обязательно должен был прилагаться диплом об окончании Цитадели Святой Тидхейлен, обозначающий что человек с искрой прошел все необходимые обучения, находится на учете в высших инстанциях, а значит он социально адаптирован, умеет контролировать себя, а еще, что немаловажно — его контролирует власть.

Таков был путь всех, кто обладал магией. И занимал этот путь много лет, впоследствии давал много ограничений в жизни, а иногда даже и ограничивал в правах. И учитывая то, что молодые люди находились здесь достаточно много лет, а за пределами школы их ждал довольно враждебный мир, ученики предпочитали искать друзей и пару на всю жизнь именно здесь — «среди своих». Это стало некой традицией.

Самые красивые и успешные, безусловно, очень быстро находили себе пару, а если обоим исполнялось восемнадцать лет, то при их обоюдном желании, здесь разрешалось даже заключать браки с торжественными церемония-

ми и трехдневными празднованиями. Новобрачным выдавались красивые свидетельства о браке, а сама Цитадель обладала огромным количеством реквизита, который предоставляла для организации праздника. Таким образом, красота и пышность свадьбы упиралась лишь в фантазию пары, а не их бюджет. И многие этим пользовались, поскольку свадьба вне школы была бы довольно убогим и скучным мероприятием в виду своей дороговизны. Поэтому все ученики старались жениться здесь.

К слову, такая свадьба была здесь совсем недавно, в прошлом месяце у девушки по имени Лика, которая теперь сидела за одним столом с Адель.

— Что ты там увидела? — спросила Лика, кивнув на окно.

— Однообразие, — уныло ответила Адель.

— Кажется, у Адель снова депрессия, — ехидно отметила Алисия, попивая газировку и откинувшись на стуле.

— Надо придумать что-нибудь интересное, — повернулась Адель наконец к подругам, которые сидели с ней рядом за одним столом. — Вас не убивает рутина? Одно и то же. Из дня в день. Из года в год. А впереди ещё несколько лет, не предвещающих ничего нового.

— Это потому что у тебя нет пары, — отрезала Лика самодовольно, — Когда вы вдвоём, твой мир становится ярким. Каждый день жизни интересен.

Девочки за столом согласно покачали головами. Почти у каждой был парень. Даже у Кики, которая хоть и не состо-

яла в официальных отношениях и просто страдала по самому популярному парню в школе, надеясь когда-нибудь быть избранной среди множества его поклонниц, даже она имела вполне насыщенную эмоциональную жизнь. Кики точно не страдала от скуки. Никто не страдал. Кроме Адель.

— Ну хорошо, — сказала Адель. — У меня нет пары. Мне до сих пор никто не понравился. Что мне делать?

— Может, стоит внимательнее приглядеться к кому-нибудь? — Лика парировала спокойно, с уверенностью человека, который давно знает ответы на подобные вопросы.

— Не думаю, что это так работает. Любовь либо возникает сразу, либо не возникает вовсе, — возразила Адель.

— Нет, — упорствовала Лика. — Нужно дать человеку шанс. Сблизиться, узнать его — и только тогда появляется любовь. Потихоньку начинаешь его любить, а он тебя.

— Звучит как инструкция к старости.

— Это инструкция к счастью, Адель, — Лика подняла бровь с недовольным видом.

Себя она считала практически гуру в вопросах отношений — и, надо признать, не без оснований. У неё первой из всех появился парень. Она первая вышла замуж. И отношения её с Томом были из тех, что принято называть идеальными — размеренный, гармоничный, слившийся воедино организм из двух людей. Пожалуй, никто уже и не помнил, как они выглядели по отдельности. Том блуждал где-то поблизости даже сейчас. Они жили вместе, сидели за одной партой,

ходили везде вместе, дышали, кажется, тоже в одном ритме.

Лика охотно делилась своей мудростью и считала собственное мнение единственно верным — ведь именно оно привело её в отношения, о которых мечтали все.

Основной проблемой этого спора было то, что Адель смотрела на них, но ничего внутри нее не загоралось страстным желанием занять место Лики или найти себе такого же как Том. Как будто эта пара имела место быть в мире, но ничего интересного из себя не представляла. А что бы было ей интересно, она и сама не знала. Периодически Адель оглядывалась по сторонам на другие пары и абсолютно ничего не будоражило ее чувств. Ни плохих, ни хороших. Ни зависти. Ни вожделения. Ни восторга. Равнодушие и скука. Порой, это пугало ее саму. Вдруг она какая-то не такая? Вдруг она не умеет чувствовать? Или чего хуже — не умеет любить? Такая перспектива выглядела достаточно печальной, а еще немного стыдной. Казаться дефективной ей уж точно не хотелось, но и пускаться в симуляцию романа с каким-нибудь толстым, прыщавым ботаником, она тоже не собиралась. В конце концов, она была одной из первых красавиц школы и в школьной столовой, согласно иерархии, сидела за одним из лучших и популярных столов — у большого окна. Она была одной из главных на вершине этой пищевой цепи. Потому что такова была ее суть.

С какой стати ей встречаться с ботаниками, сидящими в углу? Это Лика не считала себя красивой. Лика была сред-

ней. И парень ее был средний. И где-то на этой середине они встретились, полюбили друг друга своей стариковской любовью, которую манифестировали окружающим. И пусть. Имели право. Но Адель даже при всем своем желании никак не могла, да и не хотела натянуть на себя подобную роль.

Просто Адель и Лика были разными. Разными в социальном положении, разными в строении личности и разными в желаниях.

И если Лика первая начала встречаться с парнем, то Адель первая стала занимать этот стол, показывая всем кто тут главный. Потом уже к ней стали подтягиваться все остальные девочки, они признавали ее как лидера, немного копировали ее, немного оглядывались на ее мнение. Адель первая начала устраивать вечеринки. И не абы какие, а легендарные, феерические. От которых шла кругом голова. Именно Адель получала больше всего приглашений от парней на школьные балы. Она была настоящим лидером и заводилой. Ее хотели. О ней мечтали. К ней стремились. И когда-то это было действительно интересно. Популярность заводила Адель. Те времена прошли.

Сейчас она лишь ходила из угла в угол школы, пытаясь себя заставить интересоваться лицами, которых много лет видела каждый день и вечеринками с этими же лицами. А по наущению Лики она теперь должна была еще и заставить себя влюбиться в кого-то из тех, с кем в принципе даже и общаться не хотелось.

Нет. Вся эта любовь со школьниками была не для неё. Зря Лика пыталась навязать свой образ жизни, это лишь отталкивало.

Адель устало поднялась из-за стола, поняв что одобрения среди подруг не найти, да и доказывать ничего не хочется.

— Знаете, я пойду. Завтра много занятий, надо выспаться. Девочки за столом промолчали.

Она взяла книги, перекинула сумку через плечо и молча направилась к выходу.

Она больше ни с кем не здоровалась, ни с кем не прощалась и никому не улыбалась.

С некоторых пор ей настолько опостылело это место и все эти люди, что в какой-то момент стало абсолютно все равно на их мнение. Главным стало лишь то, что внутри. А внутри была лишь пустота.

Шли дни.

Осень выдалась на редкость суровая, и бескрайний океан, окружавший Цитадель, никак не унимался. Адель смотрела на него из окна своей комнаты, из окна библиотеки, из окон столовой и гостиной. Один и тот же вид, одна и та же серая бесконечность, что тянулась от подножия стен до самого горизонта, где хмурое небо смешивалось с водой.

Она беспрестанно думала о своём безрадостном будущем и печальном настоящем. Ни редкие разговоры с подругами, которых она теперь старательно избегала, ни шумные вече-

ринки, где всем по какой-то необъяснимой причине было легко и весело, не могли отвлечь её от тяжёлого внутреннего смятения. Вскоре она и вовсе перестала выходить.

Почти всю осень Адель провела в своей комнате, запершись на замок и читая книги.

Когда кто-то стучал в дверь, она замирала и делала вид, что её нет, тихо переворачивая страницу за страницей.

Постепенно комната стала её единственным укрытием от целого мира. Снаружи выл ветер и грохотал океан, швыряя в оконное стекло солёные брызги, а здесь, внутри, царили тепло и покой. Особенно уютно было по вечерам. Вернувшись после учебы, Адель забиралась с ногами в глубокое кресло у окна, куталась в мягкий шерстяной плед и зажигала масляную лампу. Её тёплый, янтарный свет очерчивал вокруг девушки крохотный островок безопасности, за пределы которого не смела ступить ни буря, ни печаль.

В воздухе витал ни с чем не сравнимый запах — смесь тающего воска, остывающего чая с бергамотом и пожелтевшей от времени бумаги. Пальцы скользили по шершавым страницам, а буквы, складываясь в слова, уносили её далеко-далеко от опостылевшей реальности.

Когда наступало время писать домашние задания, она нехотя перебиралась за стол, скрипела пером при свете лампы, а покончив с делами, снова спешила вернуться в спасительное кресло. На ночь Адель перебиралась с книгой в постель, зарывалась в прохладные простыни и, убаюканная ис-

торией, незаметно для себя засыпала. А наутро начинался новый день, похожий на предыдущий как две капли воды.

Так Адель заметила удивительную вещь: лишь книги помогали ей справиться с гнетущей печалью об унылом настоящем и ещё более унылом будущем. Стоило ей открыть очередной том, как где-то глубоко внутри нее будто зажигался крохотный огонёк. С каждой прочитанной строчкой он разгорался всё ярче и ярче, робким, но упрямым светом изгоняя из души всепоглощающую тьму.

Так, спасаясь от собственных мыслей, Адель с головой погружилась в учёбу. Увлечённая знаниями, она незаметно для себя обогнала однокурсников, вырвавшись далеко вперёд по годовой программе. А все свободное время от учебы она так же посвящала чтению — но уже чему-нибудь лёгкому и радостному: историям о далёких странствиях, отважных героях и, конечно же, о любви.

Так, за книгами и мечтами, пролетела почти вся осень.

В конце ноября объявили, что в мире началась война. Император Ци выдвинул войска и деревню за деревней, город за городом уничтожал все, что было у него на пути.

Учеников Цитадели это не могло затронуть напрямую — школа стояла посреди океана, далеко от любого берега, неприступная и безопасная. Но за её стенами, на большой земле, у каждого оставались родные и любимые люди. Войска императора шли быстро и новости приходили одна за другой — сначала тревожные, потом страшные. Периодиче-

ски кто-нибудь из учеников узнавал о гибели близких.

Градус беззаботности в школе заметно снизился. И Адель со своим мрачным лицом больше не была белой вороной на чужом торжестве жизни. Теперь таких ворон стало значительно больше.

В январе правое крыло школы отдали под лазарет.

Воздушные суда привозили раненых. Школьников призывали стать волонтерами. Но поскольку на носу у всех учащихся были экзамены по всем предметам перед мартовскими каникулами, никто не спешил тратить свое драгоценное время на помощь военным. Все усердно учились и готовились. Адель же, которая за прошлые несколько месяцев опередила учебную программу, обладала достаточным свободным временем, чтоб стать волонтером. В данном занятии ей виделись одни лишь плюсы. Во-первых, хоть какое-то разнообразие дней. Во-вторых, лекарское дело всегда казалось ей чем-то интересным и, возможно, она бы даже открыла в себе любовь и способности к этому ремеслу. Ей хотелось попробовать новый опыт и узнать себя. А в-третьих, внутренняя тяга участвовать во всём значимом, попросту не дала бы ей остаться в стороне, даже если бы она того захотела.

Как и ожидалось, волонтеров набралось не много. Четверо, если быть точнее — три ботаника из самого дальнего угла столовой и Адель.

Собравшись у входа в лазарет, они все вместе должны были войти в комнату и ждать инструкций от медицинского

персонала, который даст разъяснения о том, что каждый из ребят должен делать. Один из них, словно решившись на что-то героическое, поднялся и подошёл к ней семенящими шагами. Он стал почти вплотную и помахал рукой.

— Привет, — пробубнил он, с интонацией радостного щенка, впервые увидевшего хозяина.

Адель окатила его холодным презрительным взглядом.

— Когда мне понадобится с тобой пообщаться, я сообщу.

Неловкая тишина опустилась на комнату мгновенно. Мальчик вернулся на своё место и как-то весь сжался. Остальные двое тоже словно воробьи на зимней ветке придвинулись друг к другу.

Адель прошлась по комнате. Потрогала тяжелую замшевую штору. Посмотрела в окно — там, как и из любой точки Цитадели, был виден лишь океан. И что она ожидала там увидеть нового? Затем перевела взгляд на троицу несчастных.

Интересно, кого именно из них мне предлагала Лика, — подумала она.

Она оглядела их методично, как оглядывают меню в закусочной, чтоб выбрать блюдо себе по душе.

Первый — тоненькие ручки и ножки, как прутики. На прутиках очки. Такое впечатление, будто ботана однажды побили под деревом, закинули его очки на ветку — и таким образом на свет появился новый ботан. *Боже, как сексуально.*

Второй — округлый, пахнувший варёной колбасой. Вьющиеся сальные волосы, как хвостики у поросят.

Третий был, в общем-то, даже симпатичным. Но зачем природа наградила его таким количеством прыщей?

Неловкое положение мальчиков, находящихся словно под увеличительным стеклом, прервал молодой доктор, вошедший в кабинет. Он говорил быстро и по делу: как убирать за больными, как измерять температуру, как вести журнал, как собирать анализы. Никаких лишних слов. Затем все четверо получили белые халаты.

Адель надела свой, застегнула пуговицы, одёрнула воротник.

И вошла в лазарет.

Мало кто из учеников мог похвастаться, что бывал здесь когда-либо.

Цитадель была огромной — куда больше, чем требовалось для школы. Учебные аудитории, лаборатории, спальни, две столовые, гостиные, где ученики собирались в свободное время, башня с библиотекой — всё это занимало, если подумать, лишь малую часть замка. Остальное было закрыто. Сотни комнат, десятки башен — молчаливые, недоступные, существующие как будто в другом измерении. Где-то там, очевидно, располагались личные покои преподавателей. Но даже с учётом этого пространства, свободного места в здании оставалось с избытком. А если принять во внимание теорию — никем официально не подтверждённую, но упорно

циркулировавшую среди учеников — что часть замка уходила под уровень моря, то учебная часть и вовсе занимала едва ли не тридцать процентов всей Цитадели. Что находилось в остальной части замка оставалось тайной.

И вот теперь небольшая завеса приоткрылась для Адель.

Ученики, конечно, любили фантазировать — о мрачных коридорах, где гуляет всевозможная нечисть, о призраках в заброшенных холлах, о древних морских духах, русалках и даже морском монстре с огромными щупальцами, которого якобы скрывают тут. И возможно где-то в школе так оно и было, но не здесь. Эта часть замка, что открылась Адель, была куда прозаичнее.

Светлые просторные коридоры. Высокие окна, через которые зимнее солнце — неожиданно яркое в этот день — лилось широкими полосами на каменный пол. Лёгкий воздух, пахнувший не затхлостью и пылью, а чем-то свежим, морским, как будто стены здесь были не такими плотными как в учебной части. Комнаты, отданные теперь под палаты, были просторными и какими-то... добрыми. Не было в них ничего зловещего. Скорее что-то воздушное, почти сказочное. Здесь было приятно и свежо. Казалось, даже легче дышать.

Все четверо вошли молча, с одинаковым выражением лица, приоткрытыми ртами, блуждая взглядом по сводчатым потолкам и широким подоконникам. Адель поймала себя на том, что как и ботаники смотрит по сторонам с нескрываемым любопытством, и это было даже приятно — чувство-

вать любопытство, а не привычную тоску. Это было то самое разнообразие, которого она так жаждала.

Они бы и дальше так стояли, но быстрая и расторопная медсестра, не терпевшая промедлений, всучила каждому из них по медицинской утке и приказала помочь некоторым лежащим больным справить нужду. Так что все четверо разбрелись по палатам и в светлом холле вновь стало прохладно, светло и безлюдно.

Адель осторожно вошла в палату, боясь потревожить тишину. Больной лежал на боку, спиной к ней, а его голова была обильно перемотана бинтами из-под которых просвечивалось еле заметно расплывающееся пятно крови. С ужасом она подошла ближе, перебирая в голове каким образом ей подложить утку под этого довольно крупного и истекающего кровью человека. Сзади он выглядел просто огромным. Она до жути боялась сделать ему хуже. В самых страшных фантазиях, мелькавших в ее голове в этот момент, она сделает неуклюжее движение, его ране станет еще хуже, кровь брызнет фонтаном и он умрет от того, что она всего лишь хотела помочь ему помочиться. Собираясь с духом, она покрутилась на одном месте, пытаясь придумать движение руками, с которым к нему подступить. В итоге она решила что вряд ли сможет его перевернуть и попробовала пошевелить его рукой, проверив самую нелепую свою теорию: вдруг он

просто спит, а не умирает?

Она аккуратно дотронулась до него рукой и мужчина тут же подскочил от неожиданности, повернувшись на нее. Она в этот момент аж взвизгнула и уронила утку. У обоих от испуга и неожиданности потемнело в глазах. Адель схватилась за сердце. А мужчина — за голову.

— Простите, извините, — залепетала Адель, поднимая утку, — я не хотела, Лежите, лежите. Вдруг вам станет плохо. Вам не плохо? Нужно позвать врача?

Она уже представляла кровоизлияние ему в мозг от испуга, от чего у самой постепенно началась паника и кровь прилила к вискам.

Молодой человек, держась за голову и пытаясь сосредоточить свое зрение на бесконечно извиняющейся девушке, наконец прервал ее.

— Все в порядке, не волнуйтесь. Все хорошо, — его мягкий и бархатный голос словно теплое молоко разлился по комнате.

Адель стала перед ним с уткой и наконец посмотрела на больного. Это был высокий, спортивный и подтянутый молодой человек невероятной красоты. Навскидку чуть старше

нее. Его русые короткие волосы идеально в тон подходили к серо-голубым глазам, а белоснежные зубы идеально подчеркивали ямочки на щеках. Смуглая гладкая, словно восковая кожа, делала похожим на великолепное божество. Никогда в жизни она не видела столь мускулистого, красивого и яркого мужчину. Его вид не имел ничего общего с мальчиками, которые блуждали по школе и вызывали лишь скуку и отвращение. Здесь перед ней был настоящий мужчина и словно солнце он освещал собой всю комнату. Он улыбнулся. Адель растерялась и замолчала.

Он же сосредоточил наконец свой взгляд, что было непорочно сделать из-за травмы головы, которая гудела как паровоз. И тем не менее, он не мог не заметить прекрасную юную девушку с длинными черными волосами. Ее кожа была белой словно лунный свет, лисьи карие глаза обрамляли брови формы летящей птицы. Она была, пожалуй, одной из самых красивых девушек, которых он видел, а он повидал их немало, имея столь привлекательную внешность. И вот он, столь красив собой, смотрел на нее, ничуть не уступавшую ему. Он улыбнулся, а Адель, ни жива ни мертва от страха за его голову и свои действия, смогла только произнести:

— Я пришла помочь вам помочиться.

В некоторых моментах Лика была все же права. Когда ты влюблен, весь мир становится интересным. И Адель, всем своим существом затопленная чувствами к прекрасному парню из лазарета, вынуждена была это признать. Уже несколько недель подряд она думала о нем постоянно: утром после пробуждения, днем во время учебы, во время еды, перед сном, да и во сне он тоже был вместе с ней. Дни теперь не казались скучными и унылыми, море выглядело весьма игриво, туманные дни — романтично, а книги, наоборот, вместо ощущения света и радости приносили скуку и желание отложить их в сторону, чтоб как можно скорей оказаться рядом с интересным объектом своего вожеления.

Не соблюдая никаких приличий, она старалась заглядывать в лазарет как можно чаще. А парень, которого звали Филтон Боунч, неизменно по-доброму и ласково ей улыбался, всегда радуясь ее появлению. Она ему, несомненно, тоже нравилась. И он периодически с ней флиртовал.

— Ты так часто приходишь ко мне, — заметил он, — ты влюбилаcь?, — с улыбкой и шутливо спросил он.

Этот вопрос прозвучал как неожиданный удар в гонг в голове Адель.

— Я?, — смутилась она, но тут же собралась, пытаясь не показывать своих истинных чувств, — не уверена что я вообще умею любить.

Она мыла баночки из под еды возле раковины и не оборачивалась. Хотя сердце колотилось от волнения и некоторого смущения. Впервые, пожалуй, за всю жизнь она испытывала нечто подобное. Это было приятно и горячо, но в то же время страшно и душераздирающе. Как будто ее рвало на части внутри себя самой множество разных чувств и ощущалось это весьма возбуждающе.

— Я думаю что ты умеешь любить очень страстно. По тебе это видно. Просто ты еще об этом не знаешь потому что не встретила того самого.

— И что будет когда я его встречу? — повернулась она и игриво подняла бровь.

— Ты будешь его горячо любить, — ответил он ей так же игриво, а затем добавил, — ты будешь мучить его, а он тебя и в этом будет твое удовольствие.

— Мучить? — улыбнулась Адель от неожиданности, — никогда не думала об этом, — нахмурилась она, прибираясь возле него на столе.

— Подумай об этом, — вполголоса сказал он и посмотрел в ее глаза как ей показалось с какой-то надеждой.

Она посмотрела на него серьезно и непонимающе. Что он имел в виду? Ничего не ответив она вышла из палаты, но вслед слышала снова мягкий голос красивого Филтона:

— Я буду ждать когда ты придешь.

«Как-то странно, — размышляла она про себя, — Что он имел в виду? Что он хочет? Хочет ли он чтоб я его мучила морально? Или физически? Или он хочет мучить меня? К чему вообще были эти слова?».

Обсуждать подобные вещи Адель не решилась с подругами, ведь они были совсем другими. Не такими, как она. Пожалуй, подругами они ей больше и не были. С другой стороны, проживая все свои странные и противоречивые чувства внутри, ей нестерпимо хотелось это обсудить. Но с кем? Так прошел день, затем другой. Адель старалась не заходить в палату к Филтону и посещала других пациентов, которые так же признавали ее милой, красивой и хорошенькой помощницей, но никто из них не проникал в ее чувства и сознание так глубоко как Филтон. Не случалось того самого огня, когда ты видишь человека, он видит тебя и между вами возникает нечто особенное и невидимое для других. Как будто бы сама по себе возникает некая невидимая нить от сердца к сердцу и вы с помощью нее общаетесь и чувствуете друг друга. Она ощущала что интересна Филтону настолько же сильно, как и он к ней. Тем не менее, заходить в его палату не хотелось. Адель не знала как реагировать на те его слова и как себя вести дальше. Что она должна говорить и делать? Как будто он чего-то от нее ждал, а ей не хотелось выглядеть глупой.

После очередного рабочего дня она вышла на балкон ла-

зарета.

Зима, наконец, сжалилась. Не сломалась и не отступила окончательно — просто смягчилась, словно ей надоело злиться. Воздух был всё ещё холодным, но уже без той колкости, которая ещё неделю назад забиралась под одежду и щипала кожу. Теперь он был просто влажный, солёный и чуть тяжёлый от моря. Адель накинула пальто прямо на белый медицинский халат и вышла.

Закат догорал медленно оранжевым заревом, смешиваясь с фиолетовыми красками подступающей ночи. Звёзды робко сияли редкой россыпью, будто не были уверены что им уже можно. Море внизу тихое и тёмное плескало волнами об стены лазарета без всякой спешки — так, как будто им тоже было хорошо этим вечером.

Она достала сигарету — стащила у кого-то из персонала, не спросив, просто взяла со стола — и закурила. Ботаник, пришедший сюда раньше неё с бумажным стаканом кофе, скромно отодвинулся в сторону, подальше от дыма.

— Не знал что ты куришь, — пробубнил он.

— Я и не курю, — ответила она, затянувшись.

Помолчали. Ветер шёл с моря тёплыми для этого времени года порывами — не резкими, а такими, будто кто-то медленно и лениво махал где-то вдали большим полотном. Он трепал волосы Адель и уносил дым в сторону заката.

— Приятно тут, да? — наконец дружелюбно произнёс ботаник, грея руки о стакан.

— Как ты думаешь, я люблю мучать людей? — посмотрела она на него с интересом.

Худой парень — тонкий как ветка, очки съехали у него на нос — замолчал и задумался.

— Я думаю, — сказал он, наконец, и посмотрел ей вдруг прямо в глаза, — что это единственное, что ты умеешь делать хорошо.

— А почему ты так думаешь?

— Ну посмотри на себя, — сказал он.

Затем он молча направился к выходу, давая понять, что в этом странном разговоре он больше не участвует.

Посмотри на себя, — крутилось у неё в голове. — Посмотри на себя. Посмотри на себя.

Закат тем временем догорел почти до конца. Осталась только узкая оранжевая полоска над горизонтом — упрямая, последняя — и звёзды теперь уже не стеснялись. Море внизу потемнело и стало почти чёрным, и только пена на волнах светилась слабо и бело.

— А что со мной? — произнесла она наконец вслух.

Но на балконе она была уже одна. Влажный ветер трепал ей волосы, сигарета догорала между пальцами, и море внизу плескалось всё так же — спокойно, равнодушно и очень красиво.

У Адель создавалось твёрдое впечатление того, что она не видит в себе что-то, что видят все остальные. Как будто она

себя не знает. Возможно, не слышит себя. Возможно, именно поэтому её бесконечно терзает какая-то пустая изнуряющая тоска, живущая где-то между рёбрами. Но как она должна понять себя?

Выход был только один.

Полная решимости она вошла в палату Филтона и тихо закрыла за собой дверь. Он лежал и читал книгу при свете свечи — одной-единственной, на тумбочке, и тень от неё делала его лицо мягким и почти домашним. Увидев Адель, его лицо расплылось в фирменной улыбке.

— Ну наконец-то, — обрадовался он. — Я думал, ты не придёшь. Я ждал тебя весь день.

Он отложил книгу с какой-то надеждой — так, словно заранее знал, что больше она сегодня не понадобится. Адель была серьёзна.

— Покажи мне, — сказала она твёрдо.

— Показать?

— Да. Как это. Когда встречаешь того самого.

Он медленно облизнул губу и посмотрел на неё — с вождением, почти хищно, но не теряя той мягкой улыбки, которая, казалось, никогда не сходила с его лица. Затем молча приподнял одеяло.

— Иди. Покажу.

Она неуверенно подошла к его кровати и начала медленно раздеваться, не отрывая взгляда от его лица — как будто именно там искала ответ на какой-то вопрос, который ещё

не успела сформулировать. Он следил за ней с азартом, но в то же время с каким-то настоящим восхищением — от доброджелательной маски не осталось и следа. Он смотрел на неё слегка приоткрыв рот, когда рубашка оказалась на полу и открылась грудь. Затем юбка. Затем всё остальное. В одних белых чулках она легла к нему под одеяло и почувствовала его тело — горячее, упругое, загорелое — как раскалённый песок в разгар лета. Он был обнажён, будто ждал её сегодня.

Адель прижалась к нему всем телом и ощутила возбуждение. Приятное и тёплое, медленно разливающееся по ногам и животу. Но голова не замолкала — крутила мысли как заезженную пластинку, навязчиво и без остановки. Словно верхняя и нижняя половины её тела существовали в разных измерениях и никак не могли договориться между собой.

Они боролись.

В какой-то момент жаркое желание всё же взяло верх.

Она поддалась — его рукам, его теплу, и тому что он делал с такой уверенностью, словно знал её тело лучше чем она сама. Он ласкал её медленно и точно, всё настойчивее касаясь самых нежных мест, и её сознание — острое, привыкшее контролировать, анализировать, держать дистанцию — начало расплываться, как чернила в воде.

Если сам Филтон всегда походил на солнце, то его руки в постели были как горячий мягкий песок — они словно осыпали каждый сантиметр её белоснежного тела, не пропуская ничего. Она лежала под ним, чувствовала тепло и желание,

но где-то на самом краю сознания всё время мерцало ощущение чего-то неправильного. Чего-то, чему она не могла дать названия.

Затем он вошёл в неё. Впервые.

Она почувствовала боль — резкую, короткую — и невольно задержала дыхание. Но боль отступила, и на смену ей пришло что-то другое. Он двигался медленно, почти дразня её, и с каждым разом ей всё сильнее хотелось продолжения — глубже, сильнее, ближе. С каждым его движением становилось все приятнее, все лучше, все теплей. Она кусала его от нетерпения, и из самой глубины её вырывались звуки, которые она не могла контролировать.

— Потихе, сладкая моя, — шептал он, — потихе. Нас услышат.

Она старалась. Но контролировать себя становилось всё сложнее. В конце концов, когда его тело натянулось как струна и она уже не могла сдерживаться от распирающих изнутри ощущений, она накрыла себя подушкой — и в этот момент он оторвался от неё, и тёплая жидкость брызнула ей на живот.

Она выдохнула.

Филтон лёг рядом и обнял её. И вот тут случилось что-то странное — что-то, чего она не ожидала и не могла объяснить. Влюблённость, интерес, то тёплое и живое что она чувствовала к нему всё это время — всё это словно испарилось. Разом. На его месте осталась пустота, и в эту пусто-

ту медленно затягивало что-то похожее на отвращение. Она смотрела в потолок и пыталась понять что с ней не так.

— Тебе понравилось? — спросил он.

— Угу, — хмыкнула она.

— Ты закончила?

— Угу, — повторила Адель с той же интонацией.

— Что-то не так? — он облокотился на руку и посмотрел на неё.

— Не знаю, — она решила сказать правду. — Это у меня впервые. Наверное, всё хорошо.

— Уверяю тебя, всё хорошо, — он погладил её по волосам и поцеловал в лоб. — Ты отлично справилась.

Эти слова действовали — неожиданно и почти против её воли. Что-то смягчилось. Она подумала: может быть, так и должно быть? Может быть, во время близости отдаёшь себя так сильно, что на чувства просто ничего не остаётся? Может, они вернутся потом?

Он взял её руку в свою, поцеловал — раз, и ещё раз, и ещё. Потом обнял сзади и сказал:

— Давай поспим немного.

Через минуту она услышала за спиной ровное, умиротворённое дыхание спящего Филтона.

Но Адель не спала. Ей было неудобно. Физически. Душевно. Что-то внутри настойчиво требовало встать и уйти отсюда. Она тихо собрала вещи, выскользнула из палаты как тень и побежала в свою комнату по безлюдным ночным коридо-

рам школы. А ещё ей хотелось отмыться.

Проснувшись новым утром, Адель чувствовала себя как-то иначе.

Взрослой. Сильнее, чем обычно. Смелее, чем обычно.

Она встала и подошла к зеркалу и не торопясь осмотрела себя внимательно. Чёрная кружевная ночная сорочка, тонкие изящные ножки, длинные тёмные волосы, спадающие до самой талии. Она была красива. Молода. Хороша собой. А ещё — желанна. И вот это последнее было новым. Это ощущение — что кто-то хотел её, смотрел на неё именно так — давало какую-то незнакомую силу.

Она открыла сундук и нашла на самом дне духи — золотой флакон с драконом, подаренный когда-то отцом на праздник. С тех пор они так и лежали нетронутые. Не было повода. Теперь повод был.

Она раскрыла флакон и распылила духи на себя — лёгким облаком, почти невесомо. Тяжёлый сандаловый аромат медленно растёкся по комнате, наполнив утро чем-то тягучим и необузданным. Он был похож на животную страсть, на готовность.

Она подумала о Филтоне.

Сегодня она вернётся к нему. На этот раз — иначе. Их первая ночь прошла не так, как могла бы. Адель это чувствовала. Внутри неё кипело столько всего, столько нежности и желания, но как только дошло до дела, всё это куда-то ис-

чезло, словно захлопнулась дверь. Сегодня она не позволит ей захлопнуться. Сегодня она будет на волне своих чувств — будет ласкать его, целовать в ответ, позволит себе быть настоящей.

На волне этих мыслей она красиво оделась, нарядилась, надела чулки и отправилась на первую пару по укрощению волшебства.

Кабинет профессора выглядел как всегда — мрачно и без каких-либо намеков на уют.

— А вот и вы, леди Тизарий, — произнёс он, не поднимая взгляда от бумаг. — Точность — вежливость королей.

Затем всё же поднял глаза и окинул её взглядом — медленно, с ног до головы — и покачал головой с видом человека, которому не привыкать разочаровываться.

— Останетесь сегодня после занятий. Будете читать труды Теофана Пятого. Для закрепления в сознании правил приличия и королевского этикета. Вам не мешает.

— Извините, профессор, — ответила Адель, — но после занятий я каждый день работаю в лазарете. На меня рассчитывают.

— Насколько мне известно, — сказал он тоном, не допускающим возражений, — здесь вы находитесь как ученик, а не как работник лазарета. Учёба является вашим первичным приоритетом. В свободное время вы вольны посвящать себя чему угодно, в том числе и благим делам. Но пока у вас есть академические обязательства — в лазарете будут трудиться

те, кто прибыл туда именно для этого. А теперь садитесь.

Он указал пальцем на парту прямо у своего стола.

Адель поджала губу и села.

Что подумает Филтон, если она не придёт сегодня? — крутилось у неё в голове, пока профессор что-то говорил перед классом. Именно сегодня, когда она сильнее всего хотела к нему, судьба словно нарочно ставила палки в колёса. Но деваться было некуда. Пришлось подчиниться.

Песочные часы перевернулись раз. Потом ещё раз. Обед она провела вместе с учителем и девочками, затем все вернулись в класс и лекция продолжилась. Когда аудитория наконец опустела, ей был торжественно вручён огромный пыльный фолиант в кожаном переплёте — «Королевский нрав и этикет» Теофана Пятого.

— До пятой главы, — приказал учитель. — Минимум.

Вдвоем они сидели в полной тишине. Адель читала. Слова плыли перед глазами, не задерживаясь — мысли снова и снова улетали куда-то в сторону лазарета, к свече на тумбочке, к горячему загорелому телу Филтона. Она злилась на себя, возвращалась к тексту, теряла нить и начинала сначала.

Часы шли мучительно медленно.

К вечеру стало ясно, что пятую главу при таком темпе она осилит не раньше полуночи. А в полночь двери лазарета закрыты, и посетители давно спят.

Когда часы показали восемь, дверь кабинета негромко открылась.

Вошёл парень-веточка — тот самый, которого она про себя окрестила именно так. Он вежливо попросил разрешения передать записку. Учитель не возражал. Парень молча протянул Адель небольшой аккуратный сверток и так же тихо удалился.

Она развернула его медленно, предчувствуя неладное. Внутри было письмо.

Милая моя Адель,

Я спешу сообщить тебе, что обстоятельства вынуждают меня покинуть это место. Мне стало лучше — во многом благодаря тебе и твоей любви. Я полюбил тебя всем сердцем и ни о чём не жалею. Но обстоятельства сильнее меня и наших чувств.

Ты невероятная. Таких как ты больше нет — по крайней мере, я никогда не встречал таких девушек, а жизненного опыта мне не занимать. Я никогда не смогу забыть тебя. И надеюсь, ты никогда не забудешь меня.

Ты станешь великой женщиной. Тебя полюбит великий мужчина. А я вынужден отступить перед непреодолимыми обстоятельствами — потому что я всего лишь человек.

Люблю, целую и прощаюсь навсегда.

Искренне твой навеки, Филтон Боунч

Адель свернула письмо и аккуратно отложила в сторону. Звонящая пустота ударила в голову как тяжёлый молот.

Комната качнулась. В глазах потемнело. Она медленно встала из-за стола, ощущая тяжесть собственного тела — и словно в тумане пошла к выходу.

— Всё хорошо, мисс Тизарий? — донёсся откуда-то издалека голос учителя. Гулкий. Далёкий. Как из другой комнаты.

— Да, — отозвалась она, держась рукой за стену коридора. — Мне просто плохо.

Она шла и думала — или пыталась думать, потому что мысли не складывались в слова, они просто были, тяжёлые и бессвязные. Та любовь, что вытащила её из тьмы, из беспросветного, вязкого одиночества — испарилась.

И снова одна.

И снова те же коридоры, те же лица, те же дни, похожие один на другой как страницы скучной книги. Ещё много лет — пока не выдадут диплом, пока не откроются ворота, пока она не выйдет в мир, где... где тоже будет одна. Только там не будет даже этих стен, за которые можно держаться.

Она никогда не найдёт такого как Филтон. Сотни лиц прошло перед ней за эти годы — и лишь он один коснулся ее сердца. Лучезарный. Тёплый Филтон. Он смотрел на неё так, словно она была самая лучшая в этом мире. А теперь его нет.

Она шла, не видя ничего перед собой.

И тьма, в которую она возвращалась, была куда суровее прежней. Потому что раньше она просто не знала, что бывает иначе. Она не знала любви и счастья. А теперь знала. И

потеряла. Навсегда. И это было хуже всего.

Глава 4. Филтон Боунч

Что делать тому, кто не хочет учиться в Цитадели Святой Тидхейлен?

Сложный вопрос — и вряд ли кто-то нашёл бы на него радостный и удовлетворительный ответ. Учиться здесь и получить диплом этого заведения было не привилегией, а обязанностью. Отказаться — невозможно. Это сродни тому, как если бы осуждённый вдруг решил отказаться отбывать срок. Подобные вещи относятся к списку обязанностей, а не желаний. Так что людям, несущим этот крест — будь то тюремный или учебный — предстояло в жизни научиться одному и тому же: принятию своей судьбы.

И тех, и других впоследствии ждало пожизненное негласное клеймо, которое делало бы их жизнь значительно труднее, чем у всех остальных. Впрочем, и эта жизнь могла бы показаться завидной тем, кто решил избежать обучения вообще. Наверняка столь отчаянные личности в мире существовали — но о них никто не слышал. И неудивительно: только отшельничество могло обеспечить необузданному магу хоть какую-то безопасность. Стоило лишь воспользоваться запрещёнными способностями на людях — и это немедленно было бы замечено, а замеченное — донесено властям.

Но даже в одиночестве спрятаться было непросто. Колдовство всегда оставляло след в воздухе — едва уловимый,

почти невидимый, но вполне различимый для тех, кто умел искать. Именно для этого существовали сыщики — люди на службе у правительства, способные учуять магию даже там, где та была применена тихо, в подвале, за закрытыми ставнями, вдали от любопытных глаз. Такие случаи в мире случались. Магов находили.

Правда, найти — не означало исправить. Отменить чужое колдовство никто не торопился: для этого требовался официальный запрос на нивеляцию, за которым следовало долгое судебное разбирательство, нередко заканчивавшееся отказом. Если злая жена превратила мужа и его любовницу в козлов — что ж, родственники пострадавших могли, конечно, подать запрос. Но в большинстве случаев им отказывали — с холодной аргументацией: магия запрещена, мы не можем колдовать даже чтобы что-то исправить. Да и в общем и целом, жена права. Примерно это бы было написано на бумаге с отказом.

Сыщики, обнаружившие и поймавшие колдунью, становились финальным актом правосудия. Дело закрывалось и с большой неохотой пересматривалось впоследствии.

Даже осуждённый по ошибке вряд ли мог рассчитывать на пересмотр приговора.

Именно поэтому сыщики, прекрасно осознавая свою власть над людьми — простыми и одарёнными одинаково — как правило, старались ловить только виновных. Тщательно собирали доказательства, выясняли нюансы. Если улики не

хватало, самые великодушные из них могли и отпустить подозреваемого. Но если тот попадался во второй раз — пощады ждать не приходилось.

Что же касалось уклонистов — тех, кто обладал магической искрой, но намеренно избегал обучения — здесь сыщики были непреклонны. Отсутствие документов само по себе являлось неопровержимым доказательством вины. Попасться без бумаг означало подписать себе приговор заранее.

Самым безопасным решением для уклониста было бы одно: не колдовать. Никогда. Ни намеренно, ни случайно. Ведь если опытный сыщик мог учуять магию в городе — среди тысяч посторонних запахов, звуков, людей и животных — то чего уж говорить о волшебстве, совершённом на лоне природы, где тихо, чисто и девственно. Там след от заклинания разносится беспрепятственно, как запах дыма в безветренный день. Именно поэтому мало кто верил, что уклонисты способны прятаться в дебрях. Скорее всего, если такие люди и существовали, они жили в городах — незаметно, осторожно, никогда не позволяя себе лишнего.

Прецедентов же, когда ученики отучились большую часть срока и сбежали без документов, не существовало вовсе. За всю историю Цитадели Святой Тидхейлен не было ни одной столь отчаянной личности.

До сего дня.

Сегодня всё изменится. В хрониках Цитадели появится новая легенда — о девушке, которая решила бежать вслед за

своей любовью вопреки всему. Об Адель.

Она перечитала письмо, должно быть, сотню раз. И с каждым разом всё отчётливее приходила к одному и тому же выводу: Филтон должен был рассказать ей о тех самых непреодолимых обстоятельствах. Должен был назвать их вслух — чтобы они вместе могли найти выход. Ведь как утверждали все книги и романы, без исключения, любовь преодолевает любые преграды. Любви подвластно абсолютно всё. Эта мысль встречалась так часто — даже в самых серьёзных и уважаемых трудах — что усомниться в ней попросту не представлялось возможным.

А любовь Филтона — разве могла она быть ненастоящей? Он был таким чистым и искренним душой, глубоко чувствующим и нежным.

Фальшивыми были, скорей, все остальные — с их формальными комплиментами, взглядами и улыбками — они касались её лишь поверхностно, как пальцем касаются воды, не желая замочить руку. Но Филтон погружался. Он хотел знать её, чувствовать её. Она не видела такого ни у кого. Даже у Лики с Томом. Адель с Филтоном — это другое. Это искренние, чистые чувства, которые ощущаешь всем своим существом. Ради такого стоило рисковать.

И она решила рисковать.

Физически сбежать из Цитадели было невозможно. Школу со всех сторон окружал Штормовой океан — назван он был именно так, потому что большую часть года здесь не

умолкали гром и молнии, а волны вздымались так, словно сама вода была зла на весь мир. Ни один человек — даже самый сильный, даже самый натренированный — не смог бы переплыть его. Ни вплавь, ни на лодке. Что уж говорить о девятнадцатилетней школьнице.

Однако даже в этих обстоятельствах выхода было два.

Первый — тайно проникнуть на дирижабль, доставляющий в Цитадель раненых с фронта, и улететь вместе с ним в обратном направлении. Но здесь сразу возникало несколько весомых возражений. Дирижабль, судя по всему, возвращался туда, откуда прилетел — на войну. А Филтон был серьёзно ранен, и вряд ли его отправили обратно в бой. Оказаться на фронте без него, без практических навыков, без наставника — это означало использовать магию впервые в условиях, где любая ошибка стоила жизни. Причём не только чужой. Неосторожное заклинание могло обернуться против неё самой — и никто бы не успел помочь.

Нет. Этот путь не годился.

Но был и второй — дерзкий, опасный и не самый простой в исполнении. Заключался он в том, чтобы самостоятельно по книгам из библиотеки освоить простейший уровень колдовства — перемещения по миру. А затем прямо отсюда, из стен Цитадели, перенести своё тело, сознание и душу в одно-единственное место — к Филтону Боунчу. Там, на месте, они разберутся с любыми непреодолимыми обстоятельствами, поговорят серьёзно, решат всё, что нужно решить. А за-

тем вдвоем отправятся к её отцу, который наверняка сможет помочь.

Она была в этом уверена.

Почти.

В задуманный день Адель отправилась в библиотеку.

Ровным, спокойным шагом — таким, каким ходят люди, которым нечего скрывать — она прошла мимо стеллажей с историей, миновала раздел философии и свернула в секцию по колдовству. Она нашла нужную книгу в черном переплете, словно покрытой воском, сунула её под куртку непринужденно, одним движением. Затем так же неторопливо прошлась по другим секциям, взяла в руки пару менее провокационных томов, полистала один из них у окна и вернула на место. Никто не обернулся. Никто не заметил.

На подготовку ушёл месяц.

Тридцать дней она изучала заклинания в устной форме — не применяя магию, не оставляя следов в воздухе, которые могли бы учуять. Только слова, только теория, только многократное повторение вслух шёпотом в темноте своей комнаты, когда все спали. Телепортация оказалась значительно сложнее, чем она себе представляла. Книга объясняла: в момент перехода необходим выброс энергии — сильный и эмоционально заряженный. Слишком слабый — и тело застрянет между двумя точками пространства. Слишком сильный — и тело разбросает по частям. Она заучила формулу до по-

следнего слога. Дополнительно — несколько защитных заклинаний на случай непредвиденных событий. Простых, но рабочих. По крайней мере, так утверждала книга.

Когда всё было готово, а план составлен до мельчайшей детали, она подготовилась и дождавшись когда все уйдут спать, вышла на балкон одной из самой высокой башни замка.

За пазухой был крепко привязан кошелек, на талии веревка, нож, спички и кусок хлеба в кармане. Еще несколько страниц из книги она вырвала и припрятала под бельем. На всякий случай. Конечно, большинство вещей сразу же бы промокли от телепортации через воду, но она рассчитывала на то, что они со временем высохнут и смогут ей пригодиться.

Ночь встретила её ветром.

Серые тучи стремительно неслись по небу, словно убегали от чего-то тёмного и неотвратимого. Океан внизу не успокаивался. Он ворочался, вздыхал, бил о камни с глухим тяжёлым звуком. Погода выглядела тревожной, словно весь мир вместе с ней волновался о том, что произойдёт дальше.

Адель поднялась на самый край.

Ветер рванул её черные волосы назад. Она посмотрела вниз. Бушующие волны внизу выглядели словно большая мясорубка. Немного поколосебавшись, она напонила себе ради чего это всего. Что любовь того стоит. Что либо перемещение, либо еще несколько лет невыносимо серой жизни.

Нет! — сказала она себе решительно, — в это я уж точно не вернусь! Адель расставила руки — широко, как птица перед прыжком, закрыла глаза, набрала воздух и шагнула.

Падение длилось долю секунды и вечность одновременно. Она успела прошептать слова заклинания, вставляя имя в нужных местах — Филтон Боунч, Филтон Боунч — и в тот же момент вода ударила её.

Не приняла. Именно ударила.

Поверхность океана встретила её как твёрдая земля — резким, оглушительным ударом в лицо, в грудь, в плечи одновременно. Дыхание вышибло мгновенно. Холод обхватил её со всех сторон — не постепенно, не медленно, а сразу и целиком, как будто её сжали в кулаке. Ледяная вода хлынула в нос, в рот, затопила глаза. Она почувствовала как её тянет вниз — сильно, настойчиво, словно что-то живое схватило её за ноги и потянуло в глубину. Водоворот. Она крутилась в нём, не понимая где верх, где низ, не в силах вздохнуть, не в силах вырваться. Она выкрикнула заклинание прямо в воду — беззвучно, одними губами — и швырнула в него всё, что было внутри. Всю злость. Всю любовь. Всё отчаяние последних месяцев. Выброс энергии прошёл сквозь неё как разряд — острый, обжигающий даже в ледяной воде.

И водоворот исчез.

Она открыла глаза. Под ней была бесконечная и равнодушная чернота морской бездны. Над ней, сквозь качающуюся толщу воды, мерцал тонкий лунный серп. Она оттолкну-

лась из последних сил, загребла руками. Руки почти не слушались, пальцы свело, но все же вынырнула.

Вдох получился судорожным, хриплым, почти звериным. Она огляделась.

Цитадели больше не было. Вокруг тихие ночные волны, совсем непохожие на штормовой океан. Заклятие сработало. С первого раза. Она могла разбиться о скалы. Могла застрять между двумя точками пространства. Могла просто утонуть — и никто бы никогда не узнал, что с ней стало. Но она была здесь. Живая. Мокрая. Почти замёрзшая насмерть, но живая. Это был успех.

В нескольких метрах от неё темнела пристань.

Она поплыла туда. Вернее — пыталась плыть. Руки двигались как чужие — деревянные, непослушные, с пальцами, которые больше не могли толком сжаться. Тело колотило крупной дрожью — не той, что бывает от страха, а той, что глубже, внутренняя, неостановимая, когда организм уже не греет, а только трясётся. Зубы стучали так громко, что казалось — их слышно над водой.

Весна пришла в эти края раньше, чем в Цитадель. Но ночная вода всё равно была ледяной.

Она добралась до пристани и ухватила за деревянную сваю — та была скользкой, покрытой водорослями. Пальцы соскользнули раз, другой. Она зарычала сквозь стиснутые зубы и вцепилась снова. Подтянулась. Перевалилась через край настила животом. Полежала секунду, щекой на мокром

дереве, слушая как капает вода — с волос, с одежды, с ресниц.

Потом встала.

Ночной город встретил её тишиной и запахом рыбы.

Она шла по улице — мокрая насквозь, босая — сапоги потерялись где-то в воде — оставляя за собой мокрые следы на булыжной мостовой. Одежда прилипла к телу, волосы тяжёлыми прядями падали на лицо. Она не могла остановить дрожь. Не могла ускорить шаг — ноги слушались с трудом, как будто были чужими.

Кое-где под навесами и в подворотнях не спали несчастные и обездоленные.

Старик, завёрнутый в рогожу, смотрел на неё из-под низкого козырька — молча, без удивления, с тем равнодушием, которое бывает только у людей, видевших всякое на улицах ночного города. Две женщины у потухшего костра переглянулись и проводили её взглядами до угла. Мальчишка лет десяти, прижавшийся к стене с куском хлеба в руке, вытирает глаза и так и не закрыл рот, пока она не скрылась за поворотом. Никто ничего не сказал. Бедняки ночных улиц умеют молчать — это один из немногих навыков, которым их научила жизнь.

Она шла и шла, пока впереди не показался тусклый жёлтый огонь над дверью.

Корчма называлась... или, вернее, не называлась никак. Просто вывеска с нарисованной кружкой, сгнившая и облуп-

пившаяся. Из-за двери тянуло дымом, кислым пивом и жареным луком.

Адель толкнула дверь и вошла.

Внутри было накурено и сумрачно. Несколько свечей на стойке, одна лампа в углу. За столами сидели трое или четверо — молчаливые, усталые, каждый наедине со своей кружкой. Хозяин — широкий, бородатый мужчина с руками как лопаты — поднял глаза от стойки и медленно окинул её взглядом.

Взгляд был нехорошим.

Мокрая девица без сапог, без вещей, без спутника, в непотребном виде — посреди ночи. В таких местах умели читать подобные картины, и читали их, как правило, в одну сторону.

— Чего надо? — спросил он без приветствия.

— Комнату, — сказала она. Голос вышел хриплым, почти неузнаваемым. — На ночь.

Он помолчал. Посмотрел ещё раз — на волосы, с которых капало на пол, на прижатые к себе руки, на то, как её колотит.

— Деньги есть?

Она нащупала за пазухой кошель и молча выложила на стойку монету. Хозяин покосился на неё, потом снова на Адель. Что-то в его лице чуть смягчилось и появилась деловая готовность.

— Второй этаж. Третья дверь, — он бросил ей ключ. — Воды горячей нет. Есть одеяло.

— Отлично, — сухо сказала она, беря ключ. Вся дрожа от

холода и все же пытаясь выглядеть при этом достойной леди с чувством собственного достоинства, направилась в свою комнату.

Комната была маленькой — три шага в ширину, четыре в длину. Низкий потолок с тёмными балками. Единственное окно с мутным стеклом, за которым угадывалась узкая улица. Старая кровать у стены была застелена грубым полотном. Поверх него лежало тяжёлое стёганое одеяло — выцветшее, с заплатой на углу, но толстое и тёплое на вид. В углу стоял деревянный стул. На нём — огарок свечи в глиняном блюде.

Больше ничего. Впрочем, для сегодняшней ночи и этого было достаточно.

Адель заперла дверь на засов. Постояла секунду, прислонившись к ней спиной, просто чтобы убедиться, что дверь есть, что она закрыта, что за ней никого нет. Потом стянула с себя мокрую одежду, бросила её на стул мокрым комком и достала из-за пояса нож — единственное оружие, которое взяла с собой. Сунула его под подушку. Она слышала о подобных местах и готовилась к худшему.

Затем нырнула под одеяло.

Оно пахло пылью и чужим телом. Дрожь понемногу начала утихать. Не сразу — ещё долго тело содрогалось само по себе, вспоминая холод воды. Огарок свечи мигал в углу, едва живой.

Она прислушивалась к звукам и смотрела на дверь, опасаясь того, что кто-то увидев ее nepотpeбный вид и отсутствие спутника, захочет этим воспользоваться. Малейший шорох казался ей приближением мужских сапог к двери. И все же каждый раз кто-то проходил мимо, не останавливаясь.

Страх Адель за собственную жизнь в этом месте смешивался с радостью от предвкушения завтрашнего дня. Завтра она найдет Филтона. Она уже в его городе. Где-то совсем близко, возможно даже в соседнем доме он сейчас спит и даже не подозревает что она совершила ради него. Но это все завтра. Сегодня нужно было просто отдохнуть, набраться сил, перевести дух.

Она закрыла глаза, но сцены бушующего, бьющего океана, который тянет вниз, все еще не отпускали ее сознание. Это было страшно. И тем не менее, все закончилось.

Все закончилось — повторяла она себе, — все закончилось, все закончилось...

Свеча погасла сама — тихо, без предупреждения. И в темноте маленькой комнаты, под чужим тяжёлым одеялом, Адель наконец уснула.

Утром она вышла на улицу, вещи были все еще влажными и неприятно липли к телу. Нужно было как можно скорее отправиться на поиски Филтона. Она опасалась того, что кто-то из школы бросится за ней в погоню или чего хуже —

ее объявят в розыск, начнут охоту. Адель планировала оказаться дома у отца. Там она точно будет в безопасности и папа поможет ей. Он всегда знает что делать.

Город просыпался медленно — скрипели ставни, где-то лаяла собака, торговцы раскладывали товар на деревянных прилавках с видом людей, которые делают это уже тысячу лет и ещё тысячу будут делать. Адель шла между ними и спрашивала.

— Простите, вы не знаете юношу по имени Филтон? Филтон Боунч?

Одни разводили руками. Другие делали задумчивое лицо — долго, старательно — и в итоге качали головой. Третьи отмахивались, не поднимая взгляда от своих дел. Она ходила так час, наверное, или два, от лавки к лавке, от человека к человеку, чувствуя себя попрошайкой, которая просит не денег, а чего-то значительно более унижительного. Время шло, результата поисков не было.

Наконец, когда она совсем отчаялась, немолодой мужчина у причала, не отрываясь от починки сети, сказал:

— Боунч? Знаю такого. Домик на пригорке, у моря. Там живёт.

Нужный дом она нашла быстро.

Ветхий, деревянный, с потемневшими от влаги досками. На окнах висели выглаженные занавески — белые, аккуратные, с кружевным краем. Кто-то здесь следил за порядком.

Адель остановилась у порога и несколько секунд собиралась с мыслями, решалась. Потом постучала.

Дверь открылась.

Девушка в дверном проёме была высокой — настолько, что её большая пухлая грудь оказалась примерно на уровне глаз Адель. Белокурая, румяная, с улыбкой человека, которому незнакомы тревога и бессонница.

Может быть, сестра, — подумала себе Адель.

— Филтон здесь живёт? — произнесла она, и голос вышел тише, чем она хотела.

— Да, он дома! — блондинка обернулась в глубину коридора. — Фил! Фиииииил! К тебе пришли!

Из темноты узкого коридорчика появился он.

И его лицо заледенело. На нем мгновенно отпечатался ужас. Неприкрытый, животный. Филтон тут же овладел своим лицом, но Адель успела заметить его первую реакцию. И это была не радость. Он повернулся к блондинке, обнял её за плечи, что-то шепнул на ухо, поцеловал — легко, привычно, как целуют того, кто всегда рядом — и та ушла, оглянувшись на Адель с вежливым любопытством.

Он плотно закрыл дверь. Так, чтобы никто внутри не слышал.

— Я пришла к тебе, — сказала Адель и попыталась улыбнуться. — Ты занят?

— Зачем ты пришла? — тихо спросил он.

— Ты написал, что полюбил меня. Что есть обстоятель-

ства, которые ты не можешь преодолеть. Я пришла сказать — вместе мы сможем. Если ты хочешь, мы можем быть вместе. Я готова.

Он закрыл лицо руками.

Плечи его затряслись. Она не сразу поняла, что он смеётся.

— Какая же дура, — проговорил он сквозь смех — не злой, а скорей снисходительный. — Уходи отсюда. У меня есть невеста. Хорошая девушка. Я не хочу её ранить.

— А меня, значит, ранить можно?

— Ты — это совсем другое.

— Что же я?

Он посмотрел на неё с той улыбкой, которую взрослые дарят детям, когда те говорят что-то трогательно-глупое.

— Ты маленькая. Наивная. Глупая и слишком доступная. Ты не годишься для серьезных отношений. Посмотри на себя. Мы просто хорошо провели время — тебе было хорошо, мне было хорошо. Чего ещё?

Ее словно снова ударило волной океана, но теперь это были всего лишь слова, хотя ощущения те же.

— Я не гожусь для серьёзного? — голос её стал ровным и холодным — она сама этому удивилась. — Я ради тебя нарушила два непреложных закона. Я мыла за тобой посуду. Стирала постель. Тебя мыла. Утку меняла. А она что сделала, эта хорошая девушка, чьи чувства так важно беречь?

— Ничего, — сказал он просто. — В том и суть.

Она смотрела на него, не в силах придумать никаких слов в такой ситуации.

— Знаешь что?, — сказала наконец она, — Да пошёл ты.

Она вскинула руки и выкрикнула заклинание.

Дверь за его спиной вспыхнула сразу, мгновенно, как будто была уже облита спиртом. Огонь пошёл вверх по дереву с сухим жадным треском. Филтон дернулся к ручке двери, но та уже полыхала, обжигая руки. Он испуганно бросился к другой стороне домика — блондинка уже сама вылезала через узкое оконце наружу, он подал ей руку и помог выбраться.

Адель повернулась и пошла.

Слёзы подступили к глазам, совершенно не вовремя. Она не хотела плакать. Она хотела идти и не оборачиваться. Она шла и кипела от обиды и ярости такой плотной, что казалось, стоит лишь поднять руки, и загорится следующий дом, и следующий, и весь этот город с его аккуратными белыми занавесками. Она была готова сжечь здесь все. И лишь остатки благоразумия останавливали ее, чтобы не натворить еще больше того, о чем придется дальше пожалеть.

Внезапно чья-то рука схватила её за волосы и дёрнула назад так резко, что у неё лязгнули зубы.

— Никуда ты не пойдёшь, маленькая шлюха! — Филтон потащил за волосы в сторону города, и орал на всю улицу: — Стража! Стража! Я поймал колдовку без документов! Она сожгла мой дом магией!

Адель цеплялась ногами за булыжники, хватала воздухом. Её волосы тянуло так, что казалось — сейчас вырвет с корнем. Рука нашарила что-то на земле — осколок бутылки, острый, неровный. Она ударила им по его руке без раздумий.

Он взвыл и выпустил волосы.

Она кинулась бежать — и он тут же схватил её снова, теперь за руку, выше локтя, намертво.

Адель рванулась, крикнула первое заклинание, которое пришло на ум — то самое, из середины книги, смысл которого она так и не выучила до конца.

Филтон взвыл — совсем иначе, чем от осколка. Его плечи и руки начали проворачиваться — медленно, с хрустом, словно кто-то невидимый крутил рычаг внутри суставов. Кожа натянулась, лопнула. Кровь побежала по рукам. Но он не отпускал. Даже так — не отпускал, держал её как тиски, лицо перекошено от боли и ярости.

— Колдовка! — закричал кто-то из прохожих. — Сюда! Мужчину убивают!

Народ начал сбегаться.

Филтон, чувствуя, что она вырывается, сделал то, чего она не ожидала — наклонился и вцепился зубами в её плечо.

Боль была острой, прямой, без предупреждения — как нож. Она заорала и начала бить его свободной рукой, локтём, коленом, ногтями по лицу — всем чем могла достать. Но он был больше и тяжелее, и даже с вывернутыми плечами навалился на неё всем телом, прижал к земле, окровавленные

руки сомкнулись на горле.

Она выкрикивала заклинания — все подряд, без порядка, без понимания. Слова мешались с хрипом, с его матерщиной, с криками толпы вокруг.

И вдруг мир начал двигаться. Лица над ней смазались, дома потекли в стороны, булыжники под спиной исчезли. Пространство вокруг превратилось в холст, который безумный художник размазывал до полного уничтожения — цвета, формы, звуки перемешались в одно оглушительное ничто. Филтон не отпускал — он продолжал держать её и бить куда попало, и она продолжала бить в ответ, они вцепились друг в друга как один бешеный комок посреди этого кружащегося вихря. Удары прилетали ниоткуда. Её собственные руки она почти не чувствовала. В какой-то момент она поняла, что, возможно, умирает — и не смогла решить, было ли ей страшно.

Потом удары прекратились.

Потом прекратился шум.

Снег падал тихо.

Адель лежала на спине и смотрела в серое небо, из которого медленно, почти задумчиво, сыпались снежинки. Они забивались в нос, в уши, таяли на губах. Во рту был соленый и железистый привкус крови. Плечо горело там, где укусил Филтон.

Она пошевелила пальцами. Потом руками. Потом ногами.

Всё двигалось.

Она медленно села. Огляделась.

Горы. Снег. Тишина такая, что звенело в ушах. Ни города, ни толпы, ни Филтона.

Она встала.

Метель была лёгкой — не злой, почти ласковой — но одежда на ней была из тёплых краёв, и холод добрался до кожи быстро. Она обхватила себя руками и осмотрелась снова.

В нескольких метрах от неё что-то лежало в снегу.

Маленький комок, накрытый мешковиной. Он сопел. Хрипел. Издавал булькающие звуки, словно что-то внутри него работало неправильно и с трудом.

Адель подошла. Огляделась в поисках ветки — не нашла. Тогда присела, взяла край мешковины двумя пальцами и отбросила её в сторону.

Существо было маленьким — размером с крупного кота, если бы кот был круглым, как шар, и облезлым. Серо-чёрная шерсть выпала клочьями, обнажив струпья и голую кожу с лишайными пятнами. Глаза — один больше другого, оба мутные — смотрели на неё снизу вверх. На плечах у него торчали вывернутые кости — точно такие же, как были у Филтона после её заклинания, только теперь они росли из крошечного круглого тельца и беспомощно висели, не доставая до снега. Одна рука была сантиметров на двадцать короче другой. Длинная оказалась такой же длины, как обе ноги вместе.

Уродливая мордочка скривилась.

Маленький рот с крохотными острыми зубками — совсем как у кота — разлепился.

— Тварь, — произнёс он тихо и отчётливо.

Адель смотрела на него.

Долгую секунду она просто смотрела на вывернутые плечи, на разные глаза, на облезлое тельце в снегу. Затем отшатнулась.

Он выглядел комично — круглый, облезлый, с разными глазами и руками, которые болтались как сломанные ветки. Голосок у него был писклявый, почти смешной. Но смешного здесь было мало — потому что это существо в снегу было проблемой. Большой, непредвиденной, совершенно лишней проблемой.

Комок вдруг дёрнулся и кинулся на неё.

Адель среагировала раньше, чем успела подумать и отбила его ногой словно мяч. Существо беспомощно отлетело в сторону, ударилось о скалу и приземлилось лицом в снег.

— Аааааа, — раздался тонкий вой, — я тебя убью!

— Это вряд ли, — отозвалась Адель.

Она все еще не могла прийти в себя от происходящего. Что она натворила? Слишком много преступлений за день. За час!

Сбежать из Цитадели и без того почти смертное наказание, но колдовать при всех прямо на улице множество раз — это прямой путь на виселицу. Этого не оправдать.

Наконец, решив что промедление на холоде им может стоить жизни, Адель собралась и размотала верёвку с пояса — ту самую, которую взяла в школе на случай непредвиденных обстоятельств. Непредвиденные обстоятельства, как выяснилось, не заставили себя ждать. Адель мысленно отметила, что верёвка — это, пожалуй, самый полезный предмет из всего, что можно носить с собой.

Существо сопротивлялось, дёргалось, пищало, пыталось укусить, но силы в нём было не больше, чем в откормленной домашней кошке без когтей. Адель обмотала его несколько раз вокруг круглого тельца и затянула узел.

— Где мы? — пробурчал Филтон, несколько смирившись со своей участью.

— Мы дома, — сказала она.

— Ну и дыра.

— Это не самая худшая из твоих проблем.

— Самая худшая — что я тебя встретил, — прошипел он, — и попал в вашу проклятую школу. Будьте вы все прокляты.

— Поверь, мы все уже прокляты и без тебя.

Она обвязала второй конец верёвки вокруг себя — не хотела тащить его руками, гораздо удобнее было тянуть всем телом, как тянут груз на санях. Потянула. Существо поехало по снегу с негодующим бульканьем.

— Я умираю, — простонал он.

Адель оглянулась.

Он действительно выглядел плохо. Не притворялся. Вывернутые кости на плечах — следствие её собственного заклинания — торчали сквозь кожу острыми углами, и при каждом движении он непроизвольно дёргался, будто что-то внутри него проворачивалось не так. Кровь сочилась из ран на маленьких ручках — медленно, но непрерывно — и капала в снег, оставляя за ними тонкую красную нить. Струпья на облезлой шкуре потрескались от мороза и тоже кровили. Один глаз — тот, что меньше — почти заплыл от удара об скалу. Дышал он с хрипом, с каким-то влажным присвистом на выдохе, и каждый вдох давался ему с видимым усилием.

— Не умираешь, — сказала она холодно, — Потерпи. Мы в нескольких минутах от дома. Обогнём эту гору и сразу окажемся у входа. Я здесь выросла. Я знаю каждый камень.

В ответ слышались лишь стоны и булькающие всхлипы.

Они шли по узкому горному уступу, где снег лежал плотно и ровно, как скатерть, нетронутая ни единым живым существом. Слева поднималась отвесная скала — чёрная, влажная, покрытая тонкой коркой льда, сверкавшей тускло в сером свете. Справа обрыв уходил вниз в белое молчание — ни дна, ни горизонта, только снег и туман, сливавшиеся в одно. Ветер здесь не выл — он дышал. Медленно, глубоко, как что-то очень большое и очень древнее, которому нет дела до людей и существ, бредущих по его хребту.

Адель не чувствовала усталости. Тело её словно сконцен-

трировалось в одной точке — в цели — и шло к ней, не отвлекаясь ни на холод, ни на боль в плече, ни на красную нить следов позади. Она была здесь своей. Этот холод знал её — или она знала его, что, в сущности, одно и то же.

За спиной тянулся Филтон — и скулил.

— Хватит ныть, соберись, — сурово пресекла она.

Первый столб появился неожиданно — вырос из тумана как указательный палец, чёрный, острый, высотой с высокого мужчину. Потом второй — вполовину больше. Потом ещё. И ещё. Они выступали из белизны один за другим, как зубья разрушенной короны, и с каждым шагом картина открывалась полнее, тяжелее, неотвратимее.

Замок Нулгримм стоял на скальном выступе над ущельем — огромный, чёрный, обугленный так, словно когда-то сгорел дотла и при этом не упал. Стены его были толщиной в несколько метров — это угадывалось по тому, как они нависали над пропастью, не шелохнувшись за века. Камень был не просто тёмным — он был мёртвым. Выжженным. Местами по нему шли длинные вертикальные борозды, какие оставляют когти. Но если это были когти, то размером с человека. Какого размера было существо, имевшее эти когти, оставалось лишь догадываться. Башни поднимались неравномерно — одна выше, другая обломана на середине, третья накренилась чуть в сторону и стояла так, будто задумалась. Между зубцами верхних стен лежал снег — плотный и нетронутый. Узкие окна смотрели на мир как пустые глазни-

цы. Кое-где в них виднелись следы ставней — давно сгнивших, висевших на одной петле или вовсе упавших.

Через ров — глубокий, заполненный внизу льдом и тёмной водой — был перекинут откидной мост. Цепи его заросли ржавчиной, но держали.

— Где мы? — раздалось сзади. Голос Филтона стал тише — из него ушла злость, осталось только что-то похожее на страх. — Мы в ледяных пределах?

— Да, — сказала Адель. — Мы в проклятых землях. А это замок Нулгримм. Замок моей семьи — от времён благословения богами. Я здесь родилась. И буду наследовать эти земли после смерти отца.

Филтон примолк.

— Ты дочь Аларика Тизарий? — произнёс он наконец. В писклявом голоске теперь звучал настоящий ужас.

— Да, — она тянула его по мосту, доски которого глухо гудели под ногами. — Я Аделаида Августа Теофания Пятая. Дочь двадцать восьмого владыки земель от божественного рода Тизарий. Наследница цитадели проклятых земель и всего Ледяного предела.

— Но почему ты не сказала?

Она не обернулась.

— Что я должна была сказать? Что я божественная особа и буду подтирать тебе зад? В помощи пострадавшим, Филтон, важна сама помощь. Не помогающий. Так это задумано.

Он замолчал и волочился следом, оставляя на досках мо-

ста тонкие красные пятна.

— И что со мной теперь будет? — спросил он тихо.

— Этого я не знаю. Отец решит.

Дверь была огромной — чёрная, обугленная, окованная железными полосами, которые проржавели насквозь, но держали форму. В самом её центре было вырублено грубое изображение — что-то похожее на дерево с обломанными ветвями, или на руку с растопыренными пальцами, или на молнию. Адель не задумывалась над этим — она видела эту дверь всю жизнь и давно перестала её замечать.

Она постучала.

Примерно через минуту крошечное окошко в двери открылось. В нём показалось лицо — старое, морщинистое, с белыми бровями такой густоты, что они почти закрывали глаза.

— Леди Аделаида! — голос дрогнул от радости и тут же напрягся от тревоги. — Почему вы здесь? Что случилось?

— Сложная история, Торвин, — сказала она, отряхивая снег с плеч. Её слегка трясло, но в целом она даже неплохо разогрелась когда шла в замок и тащила за собой Филтона.

— Открывай! Отец дома?

— В кабинете, как всегда.

Замки загремели — один, второй, третий. Дверь отворилась с протяжным стоном петель.

Адель дернула за верёвку и Филтон перелетел через по-

рог, несколько раз кувыркнулся, с громким шлепком приложившись боком о каменную плиту пола.

— Уф-ф, — выдохнул он и замер.

— Вставай, — сказала Адель. — Хватит валяться. Нам надо к отцу. Он строгий, но справедливый. Говорить буду я. Ты молчишь. Здесь ты не в школе и не в южных землях — здесь тебе никто не поможет кроме меня.

Существо заворчалось, засопело и с мучительным криканием попыталось встать. Подняться у него получилось лишь со второй попытки — вывернутые плечи не давали опереться, чтоб встать и каждое движение сопровождалось тихим болезненным всхлипом, который он явно старался не издавать, но не мог удержать. Адель смотрела на него с отвращением. Торвин же, дворецкий, был просто в ужасе от того, что видел перед собой. Впрочем, все слова он сдержал при себе.

Адель развязала верёвку на себе, взяла этот конец в руку и двинулась вперёд — в темноту.

Холл замка Нулгримм был огромен и тёмн.

Потолок уходил вверх так высоко, что терялся в темноте — ни свечей, ни факелов там не было, и свет не добирался. Пол был выложен аккуратными каменными плитами замысловатой формы. Даже через столетия во льдах и разрухе замок выдавал себя местом, построенным для королей. И ничто не могло этого разрушить пока стены выдерживали натиск внешней среды — суровой и разрушительной. А

эти стены, к слову, выдерживали и не такое. И все равно они стояли целыми, величественными. Внутри они были покрыты каменной резьбой, рассказывающей о всевозможных битвах, легендах и героях. По ним Адель в детстве изучала мир. Когда-то давно здесь висели картины и гобелены. Адель их не застала. Просто знала из сказаний предков что они там были. Об этом ей рассказывал отец, а ему его отец, а тому — его. И так много поколений подряд. Конечно же от сырости и холода почти все произведения искусства и роскоши сгнили. Здесь не портилось лишь то, что было приспособено к северу и обладало непреклонной стойкостью.

Вдоль стен стояли железные подсвечники высотой в человеческий рост. Толстые и оплывшие свечи в них давно покрылись пылью и, казалось, никого не интересовали. Они были для праздников. Но праздников здесь никогда не случалось. В глубине холла начиналась лестница. Широкая, каменная, с массивными перилами из узорчатого серого камня. Ступени уходили вверх и исчезали в темноте.

Адель шла по этому холлу так же, как ходила по нему всю жизнь — ровно, не глядя по сторонам. Она знала каждую борозду на стенах, каждую щель между плитами. Этот холод был её холодом. Этот камень был её камнем.

За ней, спотыкаясь и поскуливая, тащился круглый облезлый травмированный Филтон.

Его маленькие глазки испуганно бегали по стенам — по бороздам, по железным подсвечникам, по змеям на перилах

лестницы.

— Тут живут люди? — прошептал он наконец.

— Живут, — сказала Адель, не оборачиваясь.

И повела его вверх по лестнице — туда, где в темноте горел слабый свет под закрытой дверью.

Она постучала в дверь, а затем слегка её приоткрыла.

— Папа?

Отец сидел за огромным деревянным столом в большом кожаном кресле. Мужчина лет пятидесяти, с седыми аккуратно уложенными волосами, в белой рубашке и галстуке. На носу — очки в тонкой золотой оправе. С первого взгляда на него можно было смело сказать: серьёзный деловой человек. Но в то же время в нём было что-то мягкое, доброе — то, что не вязалось с мрачными стенами замка. Роста он был небольшого, и в огромном кабинете сидел так, словно это была его личная уютная берлога. Та тоже никак не вязалась с остальным замком. В углу потрескивал камин. Стеллажи с книгами занимали почти все стены от пола до потолка. А над его головой висел гобелен с изображением большого медведя — тёмного, спокойного, смотрящего куда-то вдаль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.